

"Официантка и миллионер"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Первое, что бросилось Эмме в глаза, была дверь. Не какая-то там простенькая из дешевого дерева или пластика с дерматиновым, «под кожу», покрытием. Нет, это была Дверь с большой буквы, дверь, внушающая трепет и уважение к тому, кто находится за ней, кто позволил себе иметь подобную роскошь, кто хотел продемонстрировать входящему свою власть и богатство. Не каждый решался сразу переступить порог. Эмма Джейн Робартс, хотя и была всего лишь скромной официанткой, обладала чувством собственного достоинства и определенного рода смелостью, выработанной отчасти тем, что ей давно уже приходилось решать все самой — и за себя, и за свою больную бабушку. К тому же сейчас ей предстояло разобраться с достаточно трудным делом, касающимся ее приятеля, Лоуренса Редфайлда.

Она пришла к сидевшему за этой роскошной дверью, по-видимому, из красного дерева или ореха, Пьеру Редфайлду с просьбой помочь его собственному сыну. Надо отдать должное Лоуренсу — он отговаривал Эмму от этого шага, не веря, что отец, с которым у него были плохие отношения, а если честно, то не было никаких, пошевелит для него хотя бы пальцем.

— Не стоит даже пытаться что-то ему объяснить. И потом — вряд ли тебя допустят к такой важной персоне, как мой отец. У него огромный штат телохранителей, секретарей, помощников и прочей обслуги, они и муху не пропустят, хотя тебя... — Лоуренс оценивающе посмотрел на фигуру и лицо девушки, — могут и пустить. Ты способна любого очаровать, — Лоуренс как-то глупо хихикнул. — Но, конечно, отец не любой, он не терпит, когда его беспокоят, не назначив предварительно встречу.

Стоя перед дверью и не решаясь постучать, Эмма невольно вспоминала это напутствие своего друга. Потом вздохнула и.., рассердилась: почему она так боится? Что это еще за неприкосновенная территория? Лоуренс нуждается в помощи, а кроме нее, ему помочь некому. Да, у него есть богатый отец, но что толку от него? Он презирает собственного сына и не хочет признать, что тот личность, пусть и не такого масштаба, как он сам. А Лоуренс — человек творческий, у него просто другие жизненные критерии, и почему, спрашивается, его нужно за это презирать, а тем более отказывать ему в помощи?

Эмма собрала волю в кулак и постучала. Сегодня судьба на ее стороне, ведь ей удалось проскочить мимо охраны!

— Войдите!

Как в клетку ко льву, мелькнуло у нее в голове. Едва девушка шагнула в это святилище, как мужество снова покинуло ее. Господи, она не представляла, что кабинеты бывают такими огромными, светлыми и величественными. А какой вид из окна! А картины на стенах!

Будучи дилетанткой в живописи, Эмма тем не менее не сомневалась, что это оригинальные работы известных художников, а не копии. Воздух был насыщен ароматом цветов и дорогих духов... Но особенно поразила ее мебель, ничего подобного она еще не видела в своей жизни. Хотя где она бывала? — подумала Эмма А вот и самое ценное украшение комнаты — сам Пьер Редфайлд.

— Кто вы? Как вы сюда вошли?

Ее ноги вросли в пушистый ковер, язык отнялся. Вот, уж действительно испуганный кролик в клетке льва! Официантка и мультимиллионер...

Впрочем, уже через мгновение Эмма гордо выпрямилась: да, официантка, но лишь в кафе, а сейчас она — молодая красивая женщина! Так что к черту ложную скромность! К тому же она пришла к отцу своего друга и не со своими проблемами.

Если бы ей кто-нибудь сейчас сказал, что Пьер Редфайлд потрясен не менее ее, она бы, наверное, не поверила: чем можно удивить этого холеного и интересного мужчину, у которого не только другой стиль жизни, но и другое отношение к ней? Этого хищника, привыкшего, что люди повинуются любому его слову, не волнует даже судьба собственного сына, а таких, как она, он просто не замечает. Итак, надо быть мужественной, раз уж она взялась за это дело. Вряд ли их пути когда-нибудь еще раз пересекутся.

Лоуренс не преувеличивал, рассказывая о своем отце: таких мужчин Эмма видела только в голливудских фильмах. Супермен и плейбой. И какие яркие голубые глаза! Пожалуй, они могли бы поспорить с синевой моря на Лазурном побережье...

— Вы собираетесь отвечать или мне вызвать охрану, чтобы вас проводили на улицу? — Пьер Редфайлд повысил голос, и на инкрустированном столике задребезжала хрустальная ваза.

Эмма судорожно сжала свою кожаную сумочку и посмотрела мужчине прямо в глаза. Тоже мне супермен! Разве так разговаривают с женщиной?

— Меня зовут Эмма Робартс, я подруга вашего сына Лоуренса.

— Лоуренса? — Голубые глаза мужчины, казалось, вот-вот вылезут из орбит от удивления.

Его взгляд завораживал ее, и на мгновение ей почудился интерес, мелькнувший в этих удивительно красивых глазах. Она нервно сглотнула, чуть расслабила сжатые руки.

Чего, собственно, она боится?

— Да. Ведь Лоуренс Редфайлд ваш сын?

— К сожалению, мой, но это не объясняет мне, почему вы здесь. Кстати, а как вы проникли сюда, неужели вас никто не видел? Вы, случайно, работаете не в детективном агентстве?

— Для вас не имеет значения, где я работаю. А ваши охранники смотрели телевизор и прозевали меня. Теперь вы вправе их уволить.

Пьер отодвинул кресло, встал и пружинящей походкой подошел к окну. Как в нем сочетаются сила и грация! Сразу видно, что он занимается спортом. Совершенно неотразимый мужчина, подумала она, но вслух насмешливо произнесла:

— Вряд ли вы увидите что-нибудь отсюда.

— Итак, вас послал Лоуренс, — нахмурился хозяин кабинета. — И с какой миссией? Вы, кажется, сказали, что являетесь одной из его подружек?

Одна из подружек! Удар нанесен прямо в сердце. Колючка застряла в нем и заныла... Одна из... Эмма передернула плечами, даже шерстяной вишневый пиджак не спас от озноба. Да, хорош, ничего не скажешь! Несомненно, богатство и власть — вторая натура этого человека,

но зачем же оскорблять людей? Однако.., нельзя реагировать даже на самые резкие реплики, она пришла сюда по делу, и надо довести его до конца. Ему не удастся сбить ее с намеченной цели.

— Извините, но я дружу с вашим сыном и значу для него немного больше, чем герл-френд. То есть я хочу сказать...

— Пусть так, но сын не предупредил меня, что посылает ко мне адвоката, — перебил ее Пьер и исподлобья взглянул на нее. Эмма опять заметила в его мерцающих глазах что-то похожее на интерес.

— Как же он мог вас предупредить, если вы не отвечаете на его телефонные звонки? — сорвалась Эмма и испугалась: у нее нет права обвинять этого человека.

Однако Пьер не рассердился, а засмеялся: давно с ним никто так не разговаривал, а тем более такая хорошенькая девушка. Хорошенькие девушки обычно говорят глупости.

— Бедняга Лоуренс! Теперь я понимаю: вы пришли просить деньги. Ничего другого ему не нужно. И сколько же денег пойдет лично ему?

— Да как вы смеете так говорить?! Вы ничего не знаете о своем сыне. Да, сейчас его карьера развивается не слишком успешно, но он нашел дело по душе и хочет доказать вам, что добьется в жизни успеха. Правильно он мне говорил, что вы всегда давили на него, считали пустяками все то, чем он интересовался. Вы не оставляли ему ни малейшего шанса проявить себя... Разве это не жестоко, мистер Редфайлд? И я не верю, что вам никто не помог в начале вашей карьеры.

Пьер слушал девушку вполуха. Женская красота всегда волновала его, а эта брюнетка была очень хороша собой: коралловые губы продолжали сыпать обвинения в его адрес, а он представлял, как они открываются навстречу его поцелую, как карие с медовым отливом глаза с любовью смотрят на него. А как соблазнительна маленькая родинка на розовой атласной щеке! Похоже, она действительно думает, что он бесчувственный и равнодушный отец, притесняющий бедного Лоуренса. Он мог бы рассказать ей кое-что о своем «непонятом и отвергнутом» сынке. Интересно, чего он наболтал ей о нем? Пьер посмотрел на свои шикарные «Роллекс», а потом на девушку.

— Вы что-то там говорили о жертве? Хотелось бы знать, какие жертвы принес мой сын, о которых я бы не знал? Можете не говорить ничего, у меня больше нет времени с вами обсуждать моего сына, так что давайте ближе к делу, то есть.., к деньгам.

— Хорошо. — У нее пересохло в горле от напряжения, слишком тяжело ей дался этот рассказ. Она поняла и то, как глупа и самонадеянна была, притаившись к Пьеру Редфайлду, главе крупнейшей в стране консалтинговой компании, крупнейшему авторитету в мире бизнеса и финансов. Да еще такому привлекательному. К этому-то Эмма и вовсе не была готова. — Если вам интересно, сэр, он продал машину и велосипед, ему нужны деньги. Вы же знаете, какой он страстный любитель езды, но.., этих денег мало, чтобы открыть собственное дело в Корнуолле... Он хочет заняться керамикой, и ему необходимо помещение и прочее. Мистер Редфайлд, вы не представляете, как талантлив ваш сын. Что касается суммы, то позвольте вам...

— Ну, это вы напрасно думаете... Мне хорошо известно, что мой сын талантлив, но.., мисс... снова перебил ее Пьер.

— Робартс.

— ..но не настолько, как вы представляете, мисс Робартс. И сколько же денег ему надо? Впрочем, я уверен, что из его замысла ничего не выйдет, да и вы не потяните его. — Голубые глаза в упор посмотрели на девушку, мгновенно покрасневшую. — Вам известно, что он всего за год спустил состояние матери? Я не дам вам денег. Мисс Робартс, вы напрасно приехали ко мне. Прошу вас, не заставляйте меня принимать крайние меры. — Он потянулся к телефону. — Визит окончен.

Эмма пошла к двери, удивленная и озадаченная: он даже не стал вникать в суть дела. Конечно, она не поехала бы сюда, но вчера Лоуренс стал рассказывать ей о своем тяжелом детстве, ранней смерти матери, измученной многочисленными любовными связями отца. После смерти матери отец полностью окунулся в работу и забыл о сыне, он был настолько равнодушен к нему, что тот даже не получил высшего образования. Все это Лоуренс рассказывал ей почти со слезами на глазах. Бедный парень, пассивный и безвольный, никому не нужный при живом отце-миллионере! Правда, у Эммы тоже было не очень счастливое детство, а сейчас на руках больная бабушка, но у нее есть стержень, она закалена борьбой за хлеб насущный, а этот юноша не имеет никакой опоры в жизни. И она решила помочь ему, тем более, что он сам попросил ее об этом. Нет, она так не уйдет!

— Мистер Редфайлд!

Пьер, продолжая держать руку на телефонной трубке, с изумлением посмотрел на Эмму, снова направившуюся к нему. Какая смелость, сколько достоинства в ее лице и...какая фигура! Ноги, грудь, осанка!

Эмма подошла к столу и положила руку на его руку: ему показалось, что его руку накрыли тончайшим шелком, так нежна и прохладна была ее ладонь. По его пресыщенному женскими прелестями и ласками телу как будто пробежал электрический разряд. Пьер прислушался к себе: да, такого чувственно! о удовольствия от прикосновения женщины он давно уже не испытывал. Тело сразу потребовало продолжения ласки... Он посмотрел на девушку и почувствовал, что и она взволнована.

В следующее мгновение Эмма отдернула руку.

Пьер внимательно изучал ее заалевшее лицо, пухлые губы, атласную округлую шею. Хороша и, сразу видно, скромна. Или притворяется? Да, вкус у сына есть!

Молода, года двадцать два — двадцать три, умна, настойчива и практична, смела — рискнула явиться без предупреждения, чтобы просить помощи для его никчемного сынка! Со вкусом одета. Вишневый пиджак и черный топик подчеркивают ее сексуальную притягательность. Он вдруг почувствовал вожделение к этой девушке, возбужденно вдохнув аромат духов и еще чего-то... Пожалуй, стоит ее выслушать!

— Что-нибудь еще, мисс Робартс?

— Не оставляйте своего сына, он нуждается в вас. Особенно теперь, когда начинает новую жизнь. Он обещает вам, что никогда больше не попросит о помощи. Может, вы встретитесь с ним, мистер Редфайлд? Он вам подробно расскажет о своих планах, а вы дадите ему совет, как лучше организовать дело.

— Мисс Робартс, мне интересно: какая вам лично польза от этого?

— На что вы намекаете, сэр? — нахмурилась Эмма, и ее тонкие брови сошлись в одну линию.

Пьер пристально посмотрел ей в глаза, отчего она покраснела и чуть отошла в сторону. Но он продолжал смотреть на нее, не в силах оторвать взгляд от ее губ.

— Повторяю: какая вам выгода от моей помощи Лоуренсу?

Эмма удивленно посмотрела на него. Бог мой! Неужели он думает, что она старается вызвать в нем отцовские чувства из-за личной выгоды? Он думает, что деньги нужны ей? Она почувствовала себя глубоко оскорбленной. Никогда в жизни никто не подозревал ее в корыстолюбии, она всегда старалась помочь другим, а потом уж думала о себе. Как мог этот высокомерный, самовлюбленный делец подумать о ней такое? Ей хотелось влить ему пощечину, но.., мысли о Лоуренсе остановили начавшую подниматься руку. Нет! Ее миссия не окончена. Эмма презрительно скривилась и как можно спокойнее сказала:

— Я подозревала, что вы испорчены властью и богатством, но не до такой же степени, чтобы унижить незнакомую вам женщину. К вашему сведению, я пришла сюда только ради Лоуренса. Лично мне наплевать на ваши деньги!

Интересно, подумал Пьер, часто она выступает в роли адвоката? Он задумчиво смотрел на нее и, понимая, что задает бестактный и грубый вопрос, все же спросил:

— Вы спите с моим сыном?

— Что?! — Она посмотрела на него с таким негодованием, как будто он обвинил ее в растрате денег его компании.

— Мне хочется знать, почему вы так печетесь о благополучии моего сына? — скрестив руки на широкой груди, обтянутой дорогим стильным пиджаком, Пьер медленно водил взглядом по ее телу. — Так вы не ответили: у вас с моим сыном только дружеские или сексуальные отношения тоже?

— Да как вы смеете об этом спрашивать? Вас не касается моя личная жизнь! — почти закричала она, уязвленная в самое сердце. Знал бы он, сколько раз Лоуренс пытался затащить ее к себе в постель, однако она так и не смогла решиться на близость с ним, ведь он был для нее всего-навсего друг. К тому же у него хватает девушек, готовых в любой момент пойти с ним куда угодно: на танцы, в бар, в постель. Лоуренс называл своего отца плейбоем, но и сам, похоже, становился на этот путь.

Пьер усмехнулся.

— Вполне возможно, что вы действительно только дружите. Но почему же тогда вы так пылко добиваетесь, чтобы я дал ему денег? Неужели вы так бескорыстны? Или наивны? Не понимаю вашей позиции, хоть убейте! Мне кажется, да простит меня Бог, мой сынок использует вас, зная вашу искренность и доброту. Кстати, вы не первая, кто попадает под его обаяние и верит всему, что он болтает, — Пьер потер лоб и удрученно вздохнул. Но, глянув на ее растерянное, но упрямое лицо, улыбнулся открыто и дружески. Он знал силу своей улыбки и сейчас прибегнул к этому испытанному средству, чтобы завоевать ее расположение. Разумеется, он и так был уверен, что его мужское обаяние уже покорило девушку, но подкрепить достигнутое не мешало.

Эмма нерешительно переступила с ноги на ногу и слегка покраснела.

— Ну, посмотрим на проблему с другой стороны: мой сын потребовал от вас этой услуги, скажем, в обмен...

— Что?! — снова взорвалась она, но тут же осеклась: надо держать себя в руках и не обращать внимания на его намеки. В конце концов, отец имеет право на любое мнение о своем сыне. И если быть справедливой, почему такой богатый и известный человек должен верить ей? Он ее видит первый раз в жизни. — Знаете, я не думаю, что вы способны подозревать человека в подлости только потому, что он беден и стоит гораздо ниже вас на социальной лестнице. Лоуренс говорил мне, что вы невысокого мнения о нем, вам многое в нем не нравится. Но разве это мнение распространяется и на его друзей? Ваш сын действительно безволен и избалован, но подлым его нельзя назвать.

Пьер удивленно посмотрел на нее, ему было легко и весело слушать ее нападки, которые вовсе не огорчали его. И ему вдруг стало жаль это наивное и доброе создание.

— Повторяю, мисс Робартс, вы не знаете Лоуренса так же хорошо, как я. Как говорят в суде, надо выслушать и другую сторону. И я повторяю, что мой сын вполне способен использовать вас, видя ваше простодушие и.., красоту.

— Я не верю вам. Мы друзья, я доверяю Лоуренсу и хочу ему помочь. И потом — при чем здесь красота? Значит, будь я уродиной, вы бы тут же дали сыну денег? Еще раз повторяю: я верю ему!

— Что ж, вижу, вы упрямы и не слушаете голоса разума. Ничем не могу вам помочь. Я остаюсь при своем мнении.

У Эммы от этих слов окончательно испортилось настроение. Вероятно, Лоуренс должен был прийти сам, она плохой адвокат. И что теперь будет делать Лоуренс? Ей было стыдно, что она потерпела неудачу... Но Пьер не прав! У Лоуренса последнее время не проходит депрессия, он явно болен. Она кинула взгляд на Пьера, и вдруг ее как будто опалило огнем: с таким вожделением тот смотрел на нее. Теперь понятно, почему он так допытывался, спит ли она с Лоуренсом! Этот вопрос интересовал его лично.

— Как бы то ни было, вопрос, сплю ли я с Лоуренсом или нет, касается только меня. Я хотела помочь другу. К тому же ваш сын нуждается не только в финансовой и моральной поддержке, по-моему, он не очень здоров.

Эмма ошибалась, полагая, что Пьеру Редфайлду неизвестно состояние здоровья Лоуренса. Тот прекрасно знал, что у его сына наблюдается склонность к меланхолии. Но главное — он избалован, думает только о себе и заставляет всех вокруг делать то, что ему хочется.

К сожалению, эта прелестная особа поверила его сынку. Но что правда, то правда, у того были удивительные способности по части обольщения женщин, пожалуй, он даже перещеголял своего отца. А вот усидчивости, деловых качеств и желания учиться нет!

Сколько энергии и сил пришлось потратить на то, чтобы пробудить в нем деловую жилку! Интервью, звонки друзьям, встречи с нужными людьми — все было направлено на то, чтобы поставить сына на ноги, выявить его призвание.., и все напрасно. Он опаздывал на встречи, прогуливал работу и находил тысячи причин, чтоб оправдать свое равнодушие, лень и прогулы.

Пьер пристально смотрел на гостью.

— Лоуренс выкарабкается, попомните мои слова, — тихо произнесла та. — Он очень старается

изменить свою репутацию, старается доказать вам, что способен добиться успехов в жизни.

— Вы уверены в этом?

Эмме стало так обидно, что захотелось зарыдать от отчаяния. Ей не удалось помочь Лоуренсу, которого отец безжалостно бросил в трудную минуту. Все доводы Пьера Редфайлда не смогли поколебать ее веры в Лоуренса, в его искренность и желание начать новую жизнь. Отец был его последней надеждой, ведь банки больше не дадут ему в долг: у него два больших займа, а имя отца уже не действует.

Пьер подошел к двери, чтобы проводить девушку. У нее горели щеки, слезы готовы были вот-вот брызнуть, но она держалась. Вытерпишь, говорила она себе, сама виновата — незачем было тащиться сюда. Но ей почему-то казалось, что она справится с этой задачей, ведь она умела найти подход практически к любому человеку. Сколько раз ей приходилось улаживать и более сложные дела.

— Не стоит впредь брать на себя такие деликатные дела, мисс Робартс. Мне стыдно об этом говорить: мой сын уже взрослый человек, но жизнь его ничему не научила. Он до сих пор не определился в выборе профессии и умеет только тратить деньги, но не зарабатывать их. Как можно было так быстро промотать состояние матери?

Эмма выслушала эту горькую тираду, но ни в голосе, ни в глазах мужчины не было ни малейшего сожаления, лишь констатация факта.

— Я не предполагала, что моя просьба натолкнется на такое равнодушие. Видимо, на пути к собственному успеху вы растеряли все человеческие качества, остался один расчет. — Эмма подняла глаза на своего собеседника. В них было столько страсти, что Пьера бросило в жар. Ничего подобного он давно уже не испытывал. Эти карие глаза в пушистых ресницах обладали какой-то колдовской силой. Господи, он пропал!

— Вот видите, мисс Робартс, в какое неприятное положение вы попали по вине моего сына. Извините меня за то беспокойство, которое он вам причинил.

Их взгляды снова встретились, и Эмма почувствовала, что ее тело откликнулось на откровенный призыв, идущий от этого мужчины. Она сглотнула и с трудом выдавила:

— Я.., я.., тоже прошу прощения за беспокойство. Вы потеряли много времени, а время деньги. Так, кажется, говорят деловые люди?

— Не оправдывайтесь. Вот вам моя визитка, в его голосе неожиданно прозвучала нежность. Он достал из кармана визитную карточку, вложил ей в руку и, не удержавшись, пожал ее. Потом добавил:

— Почему бы вам не позвонить мне как-нибудь?

Но Эмма хотела только одного: как можно скорее уйти из роскошного кабинета, не слышать этого чувственного голоса, не видеть этих голубых оценивающих ее глаз. Как странно закончился ее визит! Она хотела добиться помощи для Лоуренса, а вместо этого получила приглашение на свидание!

— Я дружу с вашим сыном, мистер Редфайлд, только поэтому я здесь. Неужели это ничего для вас не значит? Вы ведь предлагаете мне позвонить вам вовсе не для того, чтобы поговорить о своем сыне.

Лицо мужчины буквально окаменело, замечание явно задело его.

— А как вы полагаете, мисс Робартс?

— Я полагаю, вы — плохой отец и каждым своим словом доказываете мне это! — Эмма хотела сунуть визитку в карман, но та выпала из руки и плавно приземлилась на пол. Девушка даже не подумала ее поднять.

Пьер улыбнулся и прикусил губу. Подумать только, его, покорителя женских сердец, красавца и плейбоя, посадили в лужу! Он этого так не оставит!

— Хорошо.., если передумаете, вы знаете, где меня найти!

Эмма стремительно повернулась и выскочила в коридор.

Пьер сел за свой роскошный письменный стол, открыл ежедневник, отсутствующим взглядом посмотрел на записи. Он не сомневался, что Лоуренс специально подослал Эмму к нему, зная, что отец равнодушен к красивым женщинам, и надеясь, что ей удастся выпросить для него денег. И вряд ли сын мучился угрызениями совести из-за того, что втянул девушку в грязную игру. Зазвонил телефон, но Пьер не снял трубку. Перед его глазами стояла Эмма Робартс: стройная, кареглазая, с роскошной фигурой... Напрасно Лоуренс затеял с ним эту игру!

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Значит, ты видела отца. Ну, рассказывай! Удалось договориться со стариком? — осторожно спросил Лоуренс, небрежно развалясь на софе.

Ему нравилось отдыхать в гостиной у Эммы, здесь было необычайно уютно.

Эмма понимала, что ему не терпелось узнать новости, но молчала. У нее не поворачивался язык сказать правду, столько надежды было в его вопрошающем взгляде.

— Ну, Эмма, давай выкладывай! — Он взял из вазы яблоко, надкусил его и нервно улыбнулся.

— Ты слишком легко одет, ведь сейчас ноябрь. — Эмма никак не могла начать говорить о том, что он жаждал услышать.

— Но я же не с улицы пришел. Услышал твои шаги и спустился. Ну, говори же!

Эмма открыла было рот, но вдруг явственно услышала шум наверху.

— У тебя гости?

На какое-то мгновение губы Лоуренса недовольно скривились. Однако он сдержал себя, встал, подошел к Эмме и обнял ее за плечи.

— Ну какое это имеет значение? Так, ерунда! Должен же кто-то поддерживать в квартире уют, мужчина осуждающе посмотрел на нее. Да, он не раз говорил, что приглашает девушек, но только потому, что Эмма не хочет с ним спать.

— У меня тоже могут быть чувства, Лоуренс, разве ты так не считаешь? Сколько раз я тебе говорила, что надо привыкнуть друг к другу, подождать, я не могу сразу решиться на такой шаг. И ты знаешь, почему. Я не верю тебе, ты ложишься с постель с первой встречной и при всяком удобном случае.

— Нашла виноватого? Но я мужчина, и если б ты была ласкова со мной, никаких девушек не было бы в моей кровати. Ты одна можешь мне заменить их всех, пойми!

Эмма вывернулась из его объятий и села на софу. Что ж, пора рассказать ему о визите.

— Да, я видела твоего отца, но он отнюдь не старик, как ты говоришь.

— О, да, он еще достаточно хорош, чтобы внушить любовь. Ну и как?

— Лоуренс, ничего хорошего ты от него не дождешься. Он не верит тебе. Боюсь...

— Что?! — Лоуренс подошел к софе и скрестил руки на груди. — Что ты сказала?

— Он отказался дать денег. — Эмме было не по себе, ей хотелось услышать от него хотя бы спасибо за то, что она пошла на такое тяжелое дело, пусть и неудачно.

— Но ты все объяснила ему? — Лоуренс отказывался признать то, что остался без помощи. — Ты объяснила, что деньги мне нужны для того, чтобы начать бизнес? Что это в последний раз? Эмма, ты наверняка не старалась, ты...ты...

— Лоуренс, как ты можешь упрекать меня? Я старалась, но он даже слушать не захотел. Он не верит тебе и сомневается, что я прошу бескорыстно.

У него задрожали губы.

— Нет, ты не сумела объяснить отцу, в каком я положении. — Он смотрел на нее так, будто она по собственной инициативе взяла на себя ответственность за его дальнейшую судьбу, и теперь он погиб, потому что она подставила его. Да, подставила!

Его слова ударили Эмму в самое сердце. Как он несправедлив! Она изумленно посмотрела на него.

— Что ты сказал? — Она в отчаянии схватилась за голову.

— Да, ты знаешь, в каком я положении.., что мне теперь делать? — Лоуренс покосился на нее. — Ну ладно, Эмма, не бери в голову, я не хотел тебя обидеть.

Все нормально, успокаивала она себя, он сердился на нее из-за безысходности своего положения. Потом поймет, что зря напал на нее. Многие из ее друзей да и она сама находились в не менее трудных ситуациях, но не падали духом. Ей пришла в голову мысль, что Пьер в чем-то прав: почему, спрашивается, он должен содержать сына? И куда тот дел состояние матери?

Ей никто не оставил состояния, поэтому она работает и надеется только на себя. Может, ему пора взглянуть на свою жизнь со стороны и постараться стать самостоятельным?

Лоуренс принялся ходить взад-вперед по ее маленькой гостиной, театрально заламывая руки. И тут Эмма посмотрела другими глазами на этого красивого светловолосого молодого человека. Да, сейчас Лоуренс снизошел до ее гостиной, но будь он богат, как его отец, вряд ли стал бы дружить с ней. Неужели Пьер Редфайлд прав и она слишком доверчива? Ей стало стыдно за собственную наивность.

Эмма ждала, когда Лоуренс перестанет бегать по комнате и что-нибудь еще скажет, но тот молчал, и тогда она начала говорить сама:

— Я очень огорчена этой неудачей, поверь мне, Лоуренс. Но может быть, есть другой путь, надо подумать, поискать. — Она заставила себя улыбнуться.

— Глупости! — Он еще быстрее забежал по гостиной. — Я не сомневаюсь, что отец рассказывал тебе о том, как старался направить меня на путь труда и добродетели и сколько друзей было втянуто в процесс моего воспитания. Я прав?

— Не буду отрицать, он говорил об этом, но отнюдь не с пренебрежением, а с горечью. Ему искренне жаль, что тебе не удалось найти себя.

— И ты поверила ему? Да как тебе не совестно! Я возлагал на этот визит большие надежды. И что теперь? Конечно, тебе на все наплевать! Ты можешь ни о чем не думать, живя в этой дыре, но я сделаю все, чтобы выбраться отсюда... Черт и еще раз черт! Ты обязана была убедить его, что мне нужна помощь!

— Я сделала все, что могла, ты сам виноват, что он не верит в твои благие намерения! — Эмма была так ошеломлена его обвинениями, что уже с трудом сдерживалась. — Как, по-твоему, я должна была убеждать его? С помощью каких аргументов?

— Ты хочешь знать мое мнение?

— Разумеется, только почему ты сам не поехал к нему?

— Если бы я был такой красивой девушкой, как ты.., то поехал бы, — игриво ухмыльнулся он. — С такой грудью, волосами и ногами ты можешь уговорить кого угодно. Я бы не послал тебя к нему, будь ты некрасивой.

Эмма чуть не задыхнулась от возмущения. Значит, Пьер Редфайлд прав? Неужели Лоуренс ждал, что она.., станет любовницей отца и поможет выбить из него деньги? А еще называл себя ее другом... Такого цинизма она от него не ожидала. Эмма хотела сказать ему, что он низок и эгоистичен, но сдержалась.

— Уходи! — пробормотала она сквозь зубы.

— Да ладно тебе переживать, ничего особенно я не сказал. Но раз не хочешь общаться, я уйду. — Ему было непонятно ее раздражение. — В конце концов, отец красивый мужик, а тебе нужен секс. Что тут плохого? Я о тебе беспокоюсь. Ты фригидна, поэтому я и вожу к себе красоток, а отец разбудил бы в тебе женщину, он гений в деле обольщения.

— Уходи, Лоуренс. Ты и так наговорил лишнего. — Она выпрямилась и на негнущихся ногах подошла к двери. — Уходи, прошу! Я хочу отдохнуть.

Он молча прошел мимо нее, даже не попрощавшись. Захлопнув дверь, Эмма прислонилась к косяку и закрыла глаза: на душе скребли кошки. Ей припомнились слова ухмылявшегося Пьера Редфайлда: «Вы не первая, кого он ввел в заблуждение. У моего сына определенно есть шарм, которым он очень умело пользуется при достижении своих сомнительных целей». Как она тогда негодовала! Господи, нельзя быть такой слепой! Лоуренс ни разу не предложил своей помощи.., даже когда ей приходилось разрываться между работой и поездками к больной бабушке.

Все, хватит травить себе душу, решила Эмма. Да, горько и стыдно, когда тобой пытаются воспользоваться, как приманкой. А ведь отец Лоуренса был возмущен поступком сына, сразу заподозрив того в подлости.

Эмма всхлипнула, посмотрела на часы и решила принять ванну и поспать — до работы оставалась еще пара часов. Этот день запомнится надолго! Впрочем, сама виновата: нечего было лезть не в свое дело. Она отправилась в ванную, но память то и дело возвращала ее в кабинет Редфайлда-старшего. Как он смотрел на нее! Но думать об этом не стоит, лучше поскорее выбросить красавца-мужчину из головы, между ними пропасть, которую ей никогда не перепрыгнуть.

Пьер Редфайлд сидел в своем любимом клубе с партнером по бизнесу и, смакуя французский коньяк и наслаждаясь изысканным обедом, обсуждал последние биржевые новости. К столику подошел шофер Пьера, чтобы отвезти босса домой. Пьер посмотрел на него и задумчиво покачал головой: перспектива ехать в огромный пустой дом в Хэмпстейде не прельщала его. Разумеется, он любил свой роскошный, в викторианском стиле дом, любил свою библиотеку, где порой засиживался до утра, любил гостиную с мраморным камином, встроенным потайным баром, любил даже кухню, заполненную самым современным оборудованием.

Почему же сегодня его не привлекала перспектива остаться одному? Увы, все его мысли занимала Эмма Робартс. Она постоянно стояла перед его мысленным взором, кареглазая, очаровательная и, слегка покачиваясь на каблуках, будто манила, манила его... Какие ноги, грудь, осанка! Уф! А какой характер! Правда, девушка слишком наивная, сынок водит ее за нос. «Вы плохой отец». Подумать только, так его припечатать только за то, что он отказался финансировать своего великовозрастного, но обаятельного лоботряса! Где-то в глубине души он был задет: между ним и Лоуренсом уже давно продолжался спор о месте человека в жизни. Да, его сын способен совершить любую глупость! Надо было больше обращать на него внимания в детстве, да и Наоми излишне его баловала, все ему позволяя. В итоге вырос капризный эгоист, привыкший сорить деньгами и не любящий работать.

Кому теперь объяснять, что его отца не было сутками дома, что он зарабатывал те самые деньги, которыми любил сорить сынок? Именно благодаря упорному труду он, Пьер Редфайлд, занял одну из высших ступенек на социальной лестнице и прочное место в финансовых кругах. И теперь одна из подружек его сына требует деньги, упрекая его в том, что он плохой отец!

Пьер машинально отпил глоток коньяка и посмотрел на Майлза, присевшего рядом в ожидании, когда хозяин закончит обед. Но действительно ли Эмма не спит с его сыном? Этого не может быть, ведь в ней столько внутреннего огня и чувственности! Интересно, что скажет сынок, когда она вернется домой с пустыми руками? Вряд ли он сумеет сдержаться, пожалуй, устроит истерику, он же всю жизнь получал подарки, о которых та же Эмма могла только мечтать. Ему стало жаль девушку, но зачем было взваливать на себя такую обузу? Она достойна лучшего, чем быть приманкой. Честно говоря, он мог бы дать Лоуренсу значительную сумму денег без всякого для себя ущерба, но поступок сына отбил у него всякое желание помогать.

Вернувшись домой, Пьер долго сидел перед камином, запустив руки в волосы и прокручивая в памяти события последних дней. Постепенно он так возбудился, что вскочил с кресла и заходил взад-вперед по гостиной. Необходимо что-то предпринять, и немедленно! Ему давно пора изменить тот образ жизни, который он сейчас ведет. Пьер с удовольствием оглядел свою гостиную и направился в ванную привести себя в порядок. Внимательно изучив себя в зеркале, он остался доволен собой — судьба ему явно улыбалась.

— Знаешь, Лиз, по-моему, я влипла в какую-то гадкую историю, — сказала Эмма, собирая осколки разбитой стеклянной вазы.

Лиз Моррисон, владелица кафе на одной из фешенебельных улиц недалеко от центральной

части Лондона, и ее муж Адам очень любили Эмму, которая дружила с их дочерью Флер, живущей сейчас в Париже. Эмма работала у них официанткой и очень дорожила и их дружбой, и работой.

— Что случилось, дорогая, кто тебя огорчил? — Лиз обняла ее за плечи. — Бог с ней, с этой стекляшкой!

— Нет, нет, дело в том, что я... — Эмма вздохнула и замолчала, не зная, стоит ли рассказывать Лиз о просьбе Лоуренса и встрече с его отцом.

— Хочешь, уйди пораньше домой. Я попрошу Луизу задержаться. Отдохни, а потом расскажешь мне, что случилось. Может, все не так страшно.

— Да, ты права, но я останусь. — Эмма попыталась улыбнуться, но Лиз поняла по тону девушки, что ее действительно что-то беспокоит.

Лиз Моррисон практически заменила Эмме рано умершую мать. Дочь Лиз, Флер, работала модельером в одном из модельных агентств Парижа, а у Эммы на руках оставалась больная бабушка, поэтому ни о каком учении не могло быть и речи, денег едва-едва хватало на жизнь.

— Лиз, я совершила глупость, но я исправлюсь. Отдохнуть мне, конечно, не мешает, но где взять деньги? Ты же знаешь, что бабушку готовят к операции. Кроме того, мне нужно сделать хотя бы самый поверхностный ремонт, не могу же я держать бабушку после операции в грязной квартире? — Эмма удрученно вздохнула. — Бабушка — единственный родной человек, который у меня есть.

— Хорошо, сделаем так: ты будешь работать неполный рабочий день, тогда у тебя останется время и на себя, и на уход за бабушкой. Бедная девочка, сколько тебе еще предстоит вытерпеть!

Но хочу верить, что судьба вознаградит тебя за доброту и отзывчивость к чужому несчастью.

Эмма была так благодарна Лиз за добрые слова, что тут же обняла и поцеловала ее, хотя между ними не было принято так эмоционально выражать свои чувства.

— Спасибо! Это временные трудности. Бабушке сделают операцию, она встанет на ноги, а там посмотрим. Ничего со мной не делается, я крепкая и выносливая, не курю и не пью, разве что иногда могу позволить себе бокал шампанского.

Лиз понимающе улыбнулась.

— Пусть будет по-твоему, я хочу, чтобы тебе было лучше, но решать тебе самой. Посмотрим, как пойдут дела после операции.

Эмма кивнула.

— Лиз, я верю, что все кончится благополучно. Бабушка никогда не жаловалась на здоровье, надеюсь, она перенесет операцию. Профессор сказал, что для ее болезни она держится хорошо.

— Девочка моя, обещаю только, что скажешь мне, если понадобится помощь.

— Обещаю. Вы с Адамом очень добры ко мне, чем я смогу вас отблагодарить?

— Мы тебя любим, и этим все объясняется. Ну а теперь иди и помоги Лоренцо, он в баре и наверняка зашивается.

Эмма направилась в бар, Лоренцо и правда не знал, за что хвататься. Она быстро включилась в работу — и дело сразу пошло на лад. Спустя час Эмма выглянула из-за стойки и похолодела: у входа стоял Пьер Редфайлд и смотрел прямо на нее! Она машинально оглянулась на Лоренцо, стоящего сзади, потом снова посмотрела на Пьера. Господи, зачем он пришел? Здесь ему совершенно нечего делать.., или Пьер все же решил помочь сыну? А может, он решил как-то наказать ее за вторжение к нему в офис без предупреждения? И как он нашел ее? Она же не говорила, где работает. Что ей теперь делать?

Но Лоренцо опередил ее. Он первым выскочил из-за стойки бара, чтобы встретить такого шикарного посетителя, и обратился к нему на отвратительной смеси английского и итальянского, предложив столик в дальнем углу. Однако Пьер пошел к столику в центре зала, сопровождаемый подобострастно согнутым Лоренцо.

Неожиданно у Эммы возникло какое-то смутное предчувствие, но она тут же отогнала его. Краем глаза девушка заметила, как сидевшие неподалеку две дамы сблизили головы и принялись шептаться, посматривая на Пьера. Еще бы! Такие посетители к ним в кафе заглядывали редко, а если честно, то он был первым такого ранга. Но он пришел, и пришел ради нее, это она знала точно.

Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, Эмма занялась бокалами, стараясь не смотреть в центр зала. Но Лоренцо вдруг вернулся к стойке.

— Эмма, ты не можешь обслужить этого шикарного клиента?

Обычно, она была очень расторопна и энергична, но сегодня.., сегодня у нее была веская причина отказаться от обслуживания такого выгодного посетителя.

— Ты.., ты не мог бы сам заняться им? Я занята.., у меня посуда, — пробормотала она.

Итальянец неодобрительно покачал головой.

— Что с тобой сегодня? Ты никогда еще не отказывалась обслуживать клиента. Краска стыда залила ее лицо.

— Я не отказываюсь, а прошу тебя об одолжении...

Лоренцо взял меню и сунул ей в руки.

— Хватит! Прими у него заказ и постарайся, чтобы он не заметил твоего недовольного лица! приказал бармен.

Эмма почувствовала себя французской аристократкой времен Марии Антуанетты, идущей на эшафот. На ватных ногах она приблизилась к столику, где вальяжно расположился Пьер, и, улыбнувшись, произнесла:

— Добрый день! Вот уж не ожидала увидеть столь высокого гостя в нашем кафе! Какой попутный ветер занес вас сюда?

Пьер кивнул ей, взял меню и принялся изучать его с таким видом, как будто это был финансовый отчет Всемирного банка. Потом мельком глянул на нее и улыбнулся.

Эмма невольно сжалась: это была улыбка тигра, приготовившегося к прыжку.

— Я слышал, здесь вкусно кормят. Что рекомендуете попробовать?

— Неужели вы действительно пришли поужинать? Не верю! — Пьер поднял на нее свои пронзительные голубые глаза, и вея бравада Эммы моментально улетучилась.

Нарочито громко захлопнув меню, мужчина встал из-за стола.

— Помимо всех прочих ваших достоинств, вы еще и проницательны. Это хорошо. Но почему вы все время нападаете на меня, мисс Робартс?

— Ответьте, почему вы пришли сюда? Наш ресторан не подходит вам по статусу... Пожалуй, я сама отвечу: вас послал Лоуренс?

— Неужели вы думаете, что мной можно командовать, особенно Лоуренсу?

Эмма не знала, что и думать. Редкие посетители исподтишка с удивлением следили за сценой, разыгравшейся в центре зала. Лоренцо растерянно хмурил свои угольные брови.

— Мне кажется, вы обиделись на меня. Неужели из-за отказа помочь сыну? Отвечайте! Вы не будете против, если я буду звать вас Эммой? Отвечайте же, Эмма!

Девушка нервно поправила прическу, потом тихо произнесла:

— Мне кажется, что вы сердитесь на меня за мой опрометчивый поступок. Я прошу у вас прощения, и если хотите знать правду, то теперь я сожалею о нем. Клянусь, я больше никогда не стану лезть в дела вашего сына. Пожалуйста, уходите поскорее, а то управляющий заподозрит меня бог знает в чем.

— Сознаюсь, Эмма, я пришел сюда конечно же не ужинать.

Эмма повернулась, чтобы уйти, но Пьер вытянул руку и преградил ей путь. Его глаза словно смотрели ей прямо в душу. У нее пересохло в горле и шумно заколотилось сердце.

— Не буду от вас скрывать, я виделся с Лоуренсом, и именно он сказал мне, где вы работаете. Мне нужно с вами поговорить.

— Зачем вам было знать, где я работаю? Что вы хотите от меня, мистер Редфайлд? Говорите быстрее, а то меня уволят. — Эмма отвела его руку.

Пьер нахмурился. Он не понимал, почему она взяла такой тон, неужели все еще обижена за Лоуренса? Когда тот открыл ему дверь, в квартире было полно народа, в том числе и миловидная блондинка в облегающем красном платье с огромным декольте. Интересно, знает ли Эмма о ней? Сын был очень удивлен его приходом, но через пару минут принял это как должное. Они поговорили, и он выяснил, в чем нуждался сын. Ведала бы Эмма, что он сделал ради нее.

Эмма слушала его, кивая головой, но так и не поняла, зачем он пришел сюда. С сыном он договорился, отношения налаживаются, значит, все-таки она не напрасно приходила к нему?

Чего еще от нее хотят эти Редфайлды?

Если бы Пьер обладал способностью читать мысли, он бы сейчас удивился ее непонятливости.

Что может хотеть мужчина от такой красивой девушки? Его сынок сразу понял, какой лакомый кусок эта Эмма, и подослал ее к отцу. Как говорится, мавр сделал свое дело и теперь может уйти: он действительно клюнул на приманку, но приманка-то оказалась с характером и не дает себя заглотнуть! Еще тогда, в кабинете, он сразу же оценил женскую привлекательность Эммы и загорелся желанием сблизиться с ней. Вначале он был уверен, что это ему удастся без труда.

— До которого часа вы сегодня работаете?

— Через час я буду свободна, — неохотно ответила Эмма.

— Я подожду, — решительно заявил Пьер. — К сожалению, я отпустил шофера, но возьму такси и отвезу вас домой.

— Может, отложим разговор на другой раз?

— Нет, сегодня!

— Но я не хочу, чтобы вы ждали меня и уж тем более отвозили домой. О чем мы с вами должны говорить? Вопрос с сыном решен, а других общих тем у нас с вами нет.

— Вы уверены? — Его голубые глаза заскользили по ее губам.

Эмма залилась краской, ей казалось, что все в зале смотрят только на них, но главное, ей было неприятно, что все это видит Лоренцо и, разумеется, делает не правильные выводы. Он и в самом деле не замедлил подойти к ним.

— Все в порядке, сэр? — обратился он к их высокопоставленному посетителю.

— О да! — К изумлению Эммы, Пьер сказал ему что-то по-итальянски. Лоренцо угодливо заулыбался, а потом обратился к ней:

— Извини, Эмма, я не знал, что это твой жених. Могла бы не держать такую приятную новость в тайне от своего начальника и друга.

— Лоренцо, да ты что?! — оторопела Эмма и осеклась: Пьер толкнул ее ногой под столом. Она с изумлением посмотрела на него, но он кивнул головой Лоренцо, давая понять, что в его услугах они больше не нуждаются.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Лоренцо опять поклонился и вежливо предложил:

— Если вы не против, я принесу бутылку «Пронто». Это очень вкусное вино. Эмма, ты сегодня можешь быть свободна.

Когда они остались вдвоем, девушка несколько минут не могла вымолвить ни слова, тем более что Пьер с лукавой улыбкой не спускал с нее глаз. Она старалась подавить в себе раздражение, готовое вот-вот вырваться наружу.

— Зачем вы это сказали? И как я теперь буду объяснять ему и остальным, что это шутка? Почему вы не подумали обо мне?

— К вашему сведению, мисс Робартс, я не шучу. Когда я вижу добычу, то ставлю перед собой цель и обычно добиваюсь ее. — Его взгляд вдруг стал таким серьезным, что у Эммы внутри все

перевернулось.

Не ослышалась ли она? О какой добыче он рассуждает? Это о ней, что ли? Это ее он хочет поймать? Господи, зачем она ему, почему вдруг он проявляет к ней такое внимание? Он миллионер и может иметь любую женщину, на которую упадет его пресыщенный взгляд, и любая пойдет за ним, и отнюдь не только из-за денег, а потому что он являет собой образец мужской привлекательности. А она всего лишь скромная официантка, у которой нет даже приличного платья, чтобы куда-нибудь пойти с таким мужчиной.

Эмма понимала, что надо как-то достойно выйти из этой ситуации, довольно унижительной и не правдоподобной.

— Зачем вы мне это говорите? При чем здесь я? — Эмма старалась говорить спокойно, хотя ее трясло от негодования. — Неужели вы думаете, что богатство и положение в обществе дают вам право шутить таким образом с официанткой? — Она говорила все это, не отводя глаз от серебряного кольца для салфеток, которое крутила в руках. Все в нем: одежда, обувь, манера вести себя говорило о том, что он человек совершенно другого социального слоя. Между ними пропасть, зачем он манит ее на свою сторону? Ей не преодолеть ее... Но Пьер молчал, только в уголках его губ затаилась улыбка.

— Все очень просто, мне нужно ваше внимание, Эмма. Внимание, а не эта отповедь. Разве богатство и положение в обществе — это такие уж недостатки? И разве я не достоин вашей улыбки и приветливых слов?

— И чтобы добиться их, вы сказали Лоренцо не правду?

— Но это может стать правдой. Сколько вам лет? — Пьер явно забавлялся ситуацией.

Эмма в замешательстве посмотрела на него.

— При чем здесь мой возраст?

— Хорошо, можете не говорить. Тогда скажите мне, но, чур, только не обманывать: какие у вас отношения с моим сыном?

Эмма на этот раз не увидела в вопросе ничего оскорбительного для себя, однако ей было стыдно, что правда столь неприглядна. Она понимала, что Пьер ждет ее ответа, явно волнуясь, так как он вдруг принялся нервно постукивать пальцами по столу. Эмма, при всей своей скромности, даже почувствовала некоторое удовлетворение: не ей одной волноваться!

Она глядела на него смущенно, но не робко. Пьер любовался девушкой, ее одухотворенным лицом и удивительной женственностью, исходившей от всей ее фигуры. В ней чувствовалась порода, что сейчас редко встретишь. Наметанный глаз Пьера отметил и совершенное отсутствие кокетства и самоуверенности, хотя гордиться ей было чем: алебастровая кожа, красивые волосы и глаза, точеная фигура... Вряд ли она сознавала свою женскую силу, и он не понимал, почему такой бриллиант до сих пор не прибран к рукам. Правда, его сын оценил ее, но разве этот лакомый кусок для него?

Его сын... Пьер тяжело вздохнул. Легкомысленный, избалованный, ни принципов, ни собранности, ни желания работать или учиться... Его интересуют только деньги.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду? — с трудом выдавила Эмма, с облегчением увидев, что возвращается Лоренцо с бутылкой вина. Однако откупорив бутылку и разлив вино, итальянец

тотчас удалился.

Пьер поднял бокал с вином и посмотрел сквозь него на девушку.

— Скажем, вы будете расстроены, если не увидите больше Лоуренса?

— Разве он уезжает?

— Вы же сами мне сказали, что он собирается уезжать из Лондона в Корнуолл, — пожал плечами Пьер.

— Значит, вы согласились ему помочь? Как это благородно с вашей стороны! — Эмма недоверчиво посмотрела на стоявшего перед ней мужчину.

— Ну.., такой адвокат, как вы, может выиграть любое дело. Я проникся жалостью к своему сынку и подумал: а вдруг он еще не окончательно потерян для общества. К счастью, я знаю, где он живет. Он был дома, что-то праздновал со своей очередной подружкой.

— Если вы хотели удивить меня, то промахнулись.

— Это не новость для вас? — Пьер внимательно наблюдал за ней, полагая, что она будет огорчена, но ее лицо оставалось безмятежным и спокойным.

— У нас не такие близкие отношения, чтобы меня это затронуло.

— Значит, между вами нет сексуальных отношений? Вы не спите с ним? Эмма залилась краской.

— У нас платонические отношения. А для секса у Лоуренса хватает подружек, так что давайте закроем эту тему. — Отпив глоток вина, она решила, что Лоренцо прав: вина с таким вкусом и ароматом она давно не пробовала. — Я рада, мистер Редфайлд, что вы решили помочь сыну. Чем скорее он уедет, тем будет лучше для него, а мне теперь безразлично, где он находится и чем занимается.

— Ваши слова только подтверждают мою мысль, что я был прав. Лоуренс старается всех использовать с выгодой для себя, и вы с вашей красотой и доверчивостью очень подошли ему на роль адвоката. Он поступил очень некрасиво, причем вполне сознательно. — Пьер откинулся на спинку стула и удрученно посмотрел на девушку.

Эмма поняла, что он загнал ее в тупик, но ей не хотелось признаваться в своей наивности.

— Мистер Редфайлд, в любом случае вас это не должно огорчать. И мне действительно пора возвращаться к своим обязанностям. То, что Лоренцо отпустил меня, ничего не значит.

— И все же я прошу вас остаться, — он так требовательно, но дружелюбно сказал это, что Эмма даже растерялась. Неужели она ему нравится? — Мы же с вами помолвлены, забыли? Или вы хотите, чтобы Лоренцо...

— Меня совершенно не волнует, что он подумает, — перебила она Пьера, — тем более, что вы пошутили.

— Но мне хочется встретиться с вами!

— Но... Зачем я вам?

— Зачем? А зачем, по-вашему, мужчина хочет видеть женщину? Вы очень заинтересовали меня.., как личность и, не скрою, как женщина. Разве этого недостаточно?

Эмма растерялась. Она не ожидала, что может заинтересовать такого мужчину. Значит, он приглашает ее на свидание?

— Странное желание. Официантка заинтересовала миллионера. Правда, некоторых привлекают танцовщицы, медсестры...

— Эмма! — В его тихом голосе прозвучали стальные нотки, заставившие ее замереть.

— Что?

— Я не поклонник официанток, меня притягивает в женщине не профессия, а она сама. Ваша женственность, фигура, глаза.., вы созданы для любви. — Он запнулся, увидев, как она заливается краской. — Простите, но я впервые вижу женщину, которой бы так шла узкая юбка. Впрочем, дело не в юбке, а во всем вашем облике.

Юбка действительно сидела на Эмме как влитая, подчеркивая гибкую и стройную фигуру девушки. Пьер чувствовал, что его возбуждение нарастает, он готов был прямо сейчас, без всяких прелюдий, затащить ее в постель. Проведя с ней эти полчаса, он окончательно убедился, что она совершенно лишена кокетства и не осознает, насколько привлекательна. Он не мог понять, как при такой бьющей в глаза сексуальности она до сих пор одна?

Эмма слишком молода для тебя, шептал ему внутренний голос. Но разве мало примеров, когда сорокалетние мужчины увлекались молодыми женщинами? У него достаточно сил, чтобы подарить ей счастье. Он встречался с женщинами и своего возраста, и более молодыми, и никто из них не жаловался.., он умел доставить женщине наслаждение.

Он пытливо смотрел на краснеющую Эмму, прокручивая все эти мысли в голове. Интересно, как она относится к замужеству? Он лично ценил свободу, особенно после непродолжительного брака с матерью Лоуренса. Рождение сына как-то сблизило супругов, на недолгое время они почувствовали себя семьей, но уже спустя пару лет с трудом выносили друг друга. С тех пор у Пьера сформировалось стойкое отвращение к браку.

— Я больше не хочу обсуждать с вами мои туалеты! Всего доброго! — Бросив на Пьера сердитый взгляд, Эмма встала и быстро отошла к стойке.

— Черт! — выругался Пьер. Его оставили с носом, и кто? Официантка! Друзья завидовали его умению назначать свидания и так же легко исчезать. Он не сомневался, что Эмма падет к его ногам, как спелое яблоко с дерева. Что ж, посмотрим! Он подозвал официанта-итальянца, расплатился, быстро оделся и вышел. На улице было холодно и ветрено, но он ничего не чувствовал все его мысли были заняты Эммой.

— Эмма, что я узнала! Лоренцо сказал, что ты помолвлена с мужчиной, с которым сидела в зале. И ты мне ничего не сказала? — Лиз Моррисон не могла скрыть своего удивления. Ресторан был уже закрыт, и они присели за столик, решив съесть пару бутербродов и выпить чаю.

— Да это шутка, притом глупая. — Эмма пожала плечами и уткнулась с отсутствующим выражением в свою чашку. Что она могла сказать Лиз?

— Девочка моя, он очень интересный. Где ты с ним познакомилась? — с недоумением

спрашивала Лиз. Конечно, она все время уговаривала Эмму завести себе друга, с ее внешностью это не составляло труда.., и вдруг оказывается, она уже помолвлена! Да еще с таким явно не простым мужчиной.

— Он знакомый одного моего приятеля. — Уверенная, что знакомство с Пьером вряд ли будет иметь продолжение, она не стала уточнять, кто есть на самом деле Пьер Редфайлд.

— Какой шикарный мужчина! Надеюсь, ты счастлива с ним? Каков он в постели?

— Лиз! Что ты такое говоришь! — Эмма в который раз за сегодняшний день залилась румянцем.

— Ты прекрасно знаешь, что я люблю Адама, но это не значит, что я не замечаю других мужчин и не могу оценить их качества. Не сомневаюсь, что на твоего жениха засматриваются самые красивые женщины города. А как он прекрасно одет! Он что, богат?

— Думаю, что очень, но точно не знаю.

— Эмма, не теряйся! Ты хороша собой и вполне можешь привязать к себе любого мужчину, даже такого интересного, как этот. — Лиз весело болтала, но где-то в душе чувствовала, что Эмме не по себе. Так невесты себя не ведут. — В чем дело, дорогая? — Лиз стала серьезной.

— Не знаю, что мне делать: плакать или радоваться. Уверяю тебя, я в полной растерянности. — Она замолчала, подумав, что все твердят о ее сексуальности и привлекательности — и Лоуренс, и Пьер, и теперь вот Лиз. Разве только в этом дело? Ей казалось, что большинство людей относятся серьезно к таким отношениям. Она помнила, как страдала мама от измен отца, а когда отец ушел, она так и не оправилась от удара. Они никогда больше его не видели. Друзья говорили, что он уехал в Австралию. Ни разу в жизни он не поинтересовался, как живет его дочь. Он даже не писал своей матери, Эмминой бабушке, которая сейчас очень больна. Безжалостный и равнодушный тип, плохой муж, отец и сын.

Разумеется, Эмма не собиралась оставаться одна, возможно, ей повезет больше, чем ее маме. Она вспомнила страстный взгляд Пьера, его слова, его прикосновение... Да, возможно, она и понравилась этому мужчине, но способен ли он на серьезное чувство?

— Знаешь, Лиз, меня не тяготит одиночество, сейчас мне очень комфортно, и, если бы не болезнь бабушки, я вполне была бы счастлива... Ладно, пока. — Эмма решила не торопить события. — Мне кажется, он не придет больше сюда.

Так будет лучше, подумала Эмма. Если бы Лиз узнала, кем был на самом деле Пьер Редфайлд, она бы не отпустила ее до тех пор, пока все не выведала бы. Задумавшись, она чуть не налетела на Лоренцо.

— Вы поссорились с женихом? — С любопытством спросил тот, натягивая кожаную куртку. — Что ты ему наговорила, раз он даже ужинать не стал? О, женщины, женщины...

— Запомни, Лоренцо: Пьер Редфайлд мне не жених! И больше не смей мне говорить о нем.

Лиз Моррисон тут же вскочила на ноги: ее удивлению не было предела. Адам ежедневно читал финансовые газеты и иногда обсуждал с ней новости. Кто же в финансовом мире не знал Пьера Редфайлда?!

— Эмма, так вот с кем ты познакомилась — с самим Пьером Редфайлдом! — с восторгом

воскликнула она.

Эмма тяжело вздохнула: проговорилась. Лоренцо остановился и теперь смотрел то на одну, то на другую женщину, не веря своим ушам.

— Он что, знаменитость?

— Ну, не Брэд Питт или Хью Грант, но в своей области не менее известен, — просветила его Лиз, а потом обратилась к Эмме:

— Ты у нас, оказывается, темная лошадка. Что делается, бог мой!

Пьер много времени проводил в закрытом спортивном клубе. Вот и сегодня он от души размялся.

— Ты где пропадаешь, дружище? — пристал к нему Джим Диллан. — Что-нибудь случилось?

— Да ничего особенного, — сегодня Пьеру совсем не хотелось посвящать приятеля в личные дела, хотя обычно он с удовольствием обсуждал с ним свою очередную пассию. Ну не мог он признаться, что какая-то официантка завладела его мыслями до такой степени, что он даже бросился разыскивать ее, и все ради того, чтобы провести с ней ночь! Разумеется, он был уверен, что и Эмма заинтересовалась им. Посмотрим, что будет дальше, подумал Пьер. Джим не обидится.

Эмма не могла заснуть. Наверху так шумели, что, казалось, там разгулялся полк солдат. Что, интересно, Лоуренс делает со своей компанией? Музыка, женский смех и визг, топот, крики... Неужели он назло ей устраивает оргии?

Она встала, пошла на кухню и приготовила себе чай. Осмотрела свою маленькую уютную кухоньку. Очень уютная, но ремонт нужен. Деньги! Все упирается в деньги: и ремонт, и операция бабушки, только где их взять?

В вазочке на столе стояли желтые нарциссы, особенно ею любимые за необычный запах. Она с наслаждением вдохнула аромат цветов и задумалась. Да, Лоуренсу повезло, отец поможет ему, но общаться с ним она больше не хочет. Ей надоели его упреки во фригидности, хотя что он может знать об этой стороне ее натуры? И уж совсем оскорбительны его подозрения в лесбиянстве. Если откровенно, то все это Эмму мало волновало, но она любила с ним поболтать, он, безусловно, много знает, остроумен и по-своему отзывчив. Почему-то ей казалось, что в жизни Лоуренса она занимает весьма заметное место, и лишь сейчас поняла, что он ценил в ней только женские достоинства, а на ее душу ему наплевать.

Пьер Редфайлд... Да, он для нее — загадка. Неужели она сможет когда-нибудь обращаться к нему просто по имени? Сейчас он держится очень дружелюбно, постоянно восхищается ее фигурой, волосами, говорит, что у нее есть шарм... Его глаза всегда блестят от возбуждения, когда он смотрит на нее, а ведь как высокомерен и холоден он был тогда, в офисе. Неужели она действительно так привлекает его, что он, миллионер и знаменитость, хочет с ней встретиться?

А может, он просто решил поразвлечься? Иногда после изысканных яств тянет к простой пище. И уж разумеется, если миллионер Пьер Редфайлд начинает охотиться за добычей, то поймать ее ему не стоит труда.

У Эммы был довольно грустный жизненный опыт, и ей не хотелось дважды наступать на одни и

те же грабли. Шесть лет назад она полюбила мужчину, а через три месяца теснейших отношений узнала, что он женат и имеет двоих детей.

Эмма вздохнула, потянулась и вдруг почувствовала, что она не одна. Оглянувшись, она увидела в дверях кухни Лоуренса.

— Лоуренс? Как ты сюда попал? Что тебе надо в столь поздний час? — Эмма плотнее запахнула свой пеньюар, слишком откровенный для того, чтобы встречать гостя.

— Эмма, мне нужно с тобой поговорить. Я не разбудил тебя?

— Разбудил! Ты прекрасно знаешь, что я поздно засыпаю, к тому же у тебя стоит такой шум... — Она многозначительно посмотрела наверх.

Но Лоуренс не обратил внимания на ее последнюю реплику.

— Ты должна меня понять, дорогая, мне нужно вдохновение, не могу же я губить свой талант и лепить только глиняную посуду..., фу! Я же скульптор.

— Лоуренс, неужели мы будем сейчас обсуждать, насколько ты талантлив и на что ты годишься? Тебе не приходит в голову, что некоторые люди утром должны идти на работу?

— Да, я виноват, но у меня никого нет. Ты единственный человек, который может меня выслушать и дать совет, — он воровато оглянулся на дверь и незаметно для Эммы захлопнул ее.

Эмма вдруг осознала, что они одни и она почти раздетая. К тому же они как-то уж слишком близко стоят. Страдальчески вздохнув, она укоризненно посмотрела на него: неужели Лоуренс забыл, как подло он поступил? И почему он говорит, что у него никого нет? А эти бесчисленные девушки, разве он не может им изливать душу в перерыве между любовными играми?

— Ну, тебе грех жаловаться на недостаток внимания... — Она снова посмотрела на потолок, откуда все еще доносился шум.

— Извини, не понял.

— Ладно, говори, что ты хотел сказать? И побыстрее, пожалуйста: хочется спать и я замерзла.

— Эмма, я огорчен, что все так случилось. Не знаю, что на меня нашло в тот раз... Но я действительно думал, что тебе удастся договориться с отцом... Прости меня. И еще. Давай поедem вместе. Мне никто не нужен, кроме тебя. — Он протянул руку и стал гладить ее по щеке. — Мы будем хорошей парой, я уверен.

Но Эмма отстранилась от него, поправила волосы и отошла к столу.

— А я не уверена. И к тому же у меня больна бабушка, я не могу оставить ее. Она ложится в больницу на операцию. Так что выбери себе попутчицу из своих приятельниц... Кто из них сейчас находится наверху?

— Да, твоей бабушке повезло с внучкой. — Лоуренс пропустил мимо ушей замечание о подружке.

— Ну, спокойной ночи, — поехала Эмма. — Отец поможет тебе, не сомневайся. Мне кажется,

он человек слова. Знаешь, давай договоримся: когда ты устроишься на новом месте, а моя бабушка поправится, я приеду к тебе погостить.

— Хорошо, пусть будет так!

— Вот и славно! Я верю, что тебя ждет успех. Они пожали друг другу руки, и Лоуренс ушел, послав ей на прощание воздушный поцелуй.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Эмма... Он.., там!

— Кто? — выпалила Эмма, но тут же догадалась, кого Лиз имела в виду. Какое-то шестое чувство заставляло ее с утра посматривать в зал, и она не обманулась в своих ожиданиях. У Эммы задрожали колени и оборвалось сердце.

— Дорогая, ты, должно быть, произвела на него сильное впечатление, раз он опять здесь.

Эмма едва дышала. Зачем он явился? Она ничего не могла понять. Как ей вести себя? Что говорить? Ну почему она вечно суется не в свое дело? Зачем она пошла к нему? Какое ей дело до Лоуренса и его взаимоотношений с отцом? Пусть они оставят ее в покое — и сын, и отец!

— Он уже что-нибудь заказал? — с трудом проговорила девушка.

Лиз обняла ее и покачала головой.

— Нет. Ты же прекрасно знаешь, что иногда посетители приходят просто посидеть. Ну, а что ты сама думаешь по этому поводу?

Эмма не знала, что сказать. Что она могла думать? Разве у нее есть опыт обращения с такими мужчинами?

— Вряд ли он пришел ради меня, Лиз. Думаю, он пришел ради своего сына, — ушла она от прямого ответа. — У него есть меню?

— Он ждет, что меню принесешь именно ты. — Лиз вложила Эмме в руку переплетенное в кожу меню и добавила:

— Иди и будь поприветливей.

Эмма умоляюще взглянула на Лиз.

— Я прошу тебя.., скажи, что меня нет.., что я заболела, уволилась. Ну пожалуйста! Я не могу подойти к нему, не могу говорить с ним. Пойми, не могу.

— Но почему? Разве он оскорбил тебя? Обидел?

— Нет, что ты! Наоборот, он был чрезвычайно любезен.

— Так в чем дело? Ты заводишься из-за ерунды, краснеешь и бледнеешь, когда еще ничего не известно. Мужчина зашел к нам пообедать, и мы обязаны его обслужить. Иди! — Лиз притворно нахмурилась, отлично понимая состояние Эммы. — В конце концов, если ему понравится наша стряпня, он приведет сюда и своих друзей, ты об этом подумала? Бизнес прежде всего, а уж потом эмоции.

Эмма едва слышала, что говорила ей Лиз. При чем тут бизнес? Однако она собралась с духом и вышла в зал. Мило улыбаясь, она подошла к столику, за которым сидел Пьер и.., с трудом сдержала стон разочарования: рядом с ним сидела красивая блондинка в элегантном черном платье.

Оба так выделялись из общей массы сидевших вокруг посетителей, что Эмма на мгновение растерялась. Она никогда не слышала такого аромата духов, не видела настолько красивых драгоценностей, как на этой женщине. Быстро оглянувшись, она увидела, что все взгляды прикованы к их столику.

Собрав в кулак все свое мужество и продолжая улыбаться, она протянула Пьеру меню.

Его голубые глаза лукаво прищурились, когда он обратился к своей спутнице:

— Кстати, это моя любимая официантка. Эмма хотела сделать реверанс и, поскорее приняв заказ, удалиться, но в этот момент она поймала взгляд Пьера, скользнувший по ее фигуре. И в ней внезапно проснулась женщина.

— Мистер Редфайлд, что вас снова привело к нам и так скоро? — Это был безусловно провокационный вопрос, но она почему-то вдруг успокоилась: чего, собственно, ей бояться?

— И вы еще спрашиваете? — медленно протянул он и многозначительно усмехнулся.

Его подруга, до сих пор сохранявшая надменный вид, неожиданно решила вступить в разговор:

— Пьер очень расхваливал ваш ресторан, ему нравится сочетание старины и современности, а также то, что вы находитесь в стороне от шумного центра, но в то же время и не на окраине. У вас действительно мило, надо отдать должное его вкусу. Надеюсь, у вас и кормят вкусно? Я обожаю седло барашка, и хотя это несколько тяжелая пища, иногда можно позволить себе небольшой кусочек.

Какой у нее противный, капризный голос, подумала Эмма, но вслух произнесла:

— Вы не ошиблись, зайдя к нам. У нас много постоянных клиентов. И у нас хорошие повара, готовящие по старинным рецептам.

— В таком случае, что вы нам порекомендуете? — Пьер бегло просмотрел меню.

— Думаю, вам понравится мясо по-шотландски, — брякнула она первое, что пришло ей в голову.

— А рыба? У вас есть форель в собственном соку и спаржа?

— У нас есть форель по-монастырски в мускате, очень вкусное блюдо. Хороши также креветки, мидии, копченые кальмары.., овощи есть разные. — Эмма стала перечислять рыбные блюда. Пусть эта парочка поймет, что их ресторан — первоклассное заведение.

Они переглянулись, и Пьер спросил:

— Кэролайн, как насчет рыбы по-монастырски?

Та молча кивнула.

— Значит, две рыбы, овощи и.., вино? — Он снова посмотрел на свою спутницу, а потом

обратился к Эмме:

— Надеюсь, вино у вас достойное? Например, «Шато Марго»?

Эмма кивнула и, с облегчением вздохнув, повернулась, чтобы уйти, однако Пьер ее остановил:

— Мне надо поговорить с вами. Вы не возражаете? Я не задержу вас надолго. — Он взял ее за руку;

Эмма так растерялась, что не Нашлась сразу, что ответить.

— Я.., я очень занята, — пробормотала она, тщетно пытаясь освободить руку. — У меня нет времени, может, в другой раз?

— Нет, сегодня, — настаивал он, глядя большим пальцем ее ладонь. Разумеется, он видел, что она растерянна и взволнованна, и ему это явно нравилось.

Но в следующее мгновение ей все же удалось вырвать руку, и она в упор посмотрела на него. Пьер чуть замешкался. Хотя Эмма была довольно неопытна в любовной игре, она почувствовала, что и он взволнован.

— Я согласна, — сдалась девушка. Интересно, а что думает по этому поводу прекрасная Кэролайн? Но что бы та ни думала, а Пьер явно тяготеет к ней, официантке.

— Вы правы, все было очень вкусно. Думаю, мои друзья оценят по достоинству ваш ресторан, галантно раскланялся Пьер с Лиз Моррисон.

Они стояли во внутреннем дворике ресторана, куда Эмма привела Пьера, чтобы поговорить, пока его спутница удалилась в дамскую комнату. Она восхищенно наблюдала за Лиз, которая держалась с Пьером, как на приеме в Букингемском дворце. Да, эта женщина умеет достойно вести себя с кем угодно!

Пьер поклонился Лиз и отошел к Эмме.

— Так о чем вы хотели поговорить, мистер Редфайлд? Если можно, то выкладывайте, пожалуйста, поскорее. — Она решила не церемониться, тем более что до конца работы еще оставалось порядочно времени. — Хотя владелица ресторана моя подруга, но бизнес прежде всего.

Пьер пропустил ее колкость мимо ушей. Эта девушка все больше возбуждала его, а сейчас она, раскрасневшаяся, была особенно хороша.

— Прежде всего хочу заверить вас, что теперь я стану постоянным посетителем вашего ресторана. А потом.., мне кажется, ваша подруга и начальница очень хорошо к вам относится, так что вряд ли она станет считать минуты, в течение которых вы отсутствовали на рабочем месте.

Эмма строго посмотрела на него, не желая обсуждать свою подругу и ее отношение к себе. Надо дать ему понять, что он не властен над ней!

— Предположим, вы правы. И что дальше? — Она скрестила на груди руки и как можно равнодушной посмотрела на него. — Что вы хотите от меня, мистер Редфайлд?

— В эти выходные я лечу по делам в Париж. Не согласитесь ли вы составить мне компанию?

Она.., в Париж? С ним? Видимо, она что-то не поняла. Неужели этот мужчина настолько заинтересовался ею? Нет, это абсурд! Она нервно сглотнула.

— Прошу прощения, я не поняла.

У нее была очаровательная манера прикусывать губу, и ему тоже захотелось слегка укунить ее за эту пухлую губку.., сию же минуту. Он пожирал глазами ее фигуру, лицо, пышные каштановые волосы, забыв обо всем на свете.

— Я лечу по делам в Париж и приглашаю вас с собой.

— В качестве кого?

Пьер расхохотался. Что за девушка! Какая непосредственность, какая наивность! Сейчас таких можно встретить крайне редко.

— Что смешного в моем вопросе? — смутилась Эмма.

— Я восхищен вашей непосредственностью и.., деловым подходом даже в вопросах развлечений. — Он подошел к ней почти вплотную и внимательно посмотрел на нее.

Эмма почувствовала, что перед ней уже совсем другой Пьер: не посетитель ресторана, не отец Лоуренса, а мужчина, который пытается соблазнить ее.

— А как ты сама думаешь? — нежно спросил он.

Сама? Эмма растерялась. Пьер Редфайлд, один из богатейших людей страны, холостяк, плейбой и бизнесмен, хочет взять ее, официантку, с собой на выходные в Париж? Господи, ну не для того же, чтобы подавать ему в постель завтрак!

— Я думаю, вы ошиблись, пригласив меня, тихо ответила она, потупившись. Глядя на нее вблизи, Пьер восхитился: какая у нее кожа! Атласная, нежно розовая.., персик.., цветущий миндаль... О, она просто находка среди раскрашенных красоток, с которыми он общался до сих пор.

— Вы забыли, что вас ждет Кэролайн? Вот она это то, что вам нужно в Париже.

— Кэролайн? Она жена моего друга. Я просто пригласил ее пообедать, поскольку ее муж в Австралии, должен прилететь на следующей неделе. И потом.., мне хотелось, чтобы ты немножко.., приревновала меня. Эмма усмехнулась.

— Ревновать вас? Ревнуют, когда любят, а я...

— Что ты? Значит, ты врала мне, что у тебя с Лоуренсом ничего нет? — не дал он ей договорить. Схватив ее за руку, он почти прижал ее к себе.

— Что вы себе позволяете, мистер Редфайлд? — Эмма попыталась вырваться.

— Ты с ним...

— Нет! Нет! К вашему сведению, мне вообще не нужны мужчины, слишком много страданий они причиняют, особенно когда дашь им понять, что влюблена. К тому же сейчас у меня большие проблемы с самым дорогим мне человеком на свете — моей бабушкой. Мне некогда заниматься любовной ерундой.

Пьер был так удивлен, что даже отпустил ее. Бог мой, она заботится и о бабушке!

— Я не хотел обидеть тебя, прости. Эмма чуть не расплакалась.

— Не стоит извиняться, мы с вами находимся на разных полюсах, вот в чем дело.

— О чем ты говоришь? Ерунда, я уверен, когда люди нужны друг другу, они пойдут на все!

Эмма с изумлением посмотрела на его огорченное лицо: вот как он заговорил! Но она ему все-таки не верит. Этот человек привык получать все, что захочет.

— Все ясно, но это не для меня, и не стоит вам беспокоиться обо мне, — она машинально погладила его руку, как бы извиняясь за отказ, и тут же почувствовала, как эта рука напряглась. В следующий момент Эмма оказалась в его объятиях, а его губы требовательно накрыли ее рот... Поцелуй Пьера был жадным и страстным, он лишил ее возможности думать и двигаться. У Эммы подкосились ноги, но оторваться от мужчины она не могла. Его губы и язык доводили ее до неистовства, а малейшее ее движение лишь возбуждали его еще больше.

— Отпусти меня! — выдохнула Эмма наконец. Глядя в искрящиеся глаза Пьера, она ясно осознала, что никогда не забудет этого мгновения — мгновения счастья и наслаждения. И плохо соображая, что делает, Эмма схватила его за отвороты пиджака и притянула к себе. Противоречия собственных слов и поступка она не заметила, опьяненная страстью и желанием. Мозг ей приказывал: оттолкни его, а тело требовало: отдайся ему. Правильная и серьезная Эмма Робартс была где-то там, далеко, а здесь на страстные поцелуи этого плейбоя отвечала незнакомая ей девушка, готовая на все...

Пьер был потрясен поведением и темпераментом Эммы. Нежно целуя ее лицо, шею и губы, он был готов в эту минуту на все, забыв, где они находятся... Эмма первая пришла в себя и с силой отстранила его. Пьер как ни в чем не бывало поправил галстук, одернул пиджак, воровато оглянулся и проговорил:

— Ты вкуснее всех десертов в мире. Вообще-то я не очень люблю сладкое, но ты — исключение. — С этими словами он достал из бокового кармана пиджака голубой с белой полосой фирменный конверт известной авиакомпании и вложил ей в руку. — Решено, мы летим в Париж. В субботу утром я буду ждать тебя в VIP-зале ожидания аэропорта Хитроу. — Пьер провел пальцем по ее губам, улыбнулся и вышел.

Эмма, как зачарованная, молча смотрела на конверт. Что-то необыкновенное вошло в ее жизнь, чему она не могла найти объяснения.

Весь вечер накануне вылета она пыталась собрать чемодан, складывая и вновь вынимая свои скромные туалеты. Все-таки надо позвонить Лиз, подумала она и стала набирать телефон своей начальницы и подруги.

— Что с тобой, Эмма? Успокойся и собирай вещи, только много не бери, в Париже купишь, если что-либо понадобится, — накинулась на нее Лиз.

Эмма задумчиво крутила прядь волос, рассеянно слушая доносившиеся из трубки наставления. Как могло произойти, что Пьер Редфайлд, глава одной из крупнейших компаний страны и мультимиллионер, заинтересовался простой официанткой? Где-то в глубине души Эмма допускала мысль, что она не хуже тех красоток, которые окружают Пьера в его повседневной жизни, только у нее нет денег и влиятельных родных... И сейчас ей было обидно, что Лиз скорее всего так не думает. Но при чем здесь Лиз и ее мнение обо всем этом? Она готова на

все, что он ей предложит. Готова ли?

Лиз продолжала ей что-то говорить, и Эмма не сразу поняла, что та убеждает ее ни в коем случае не отказываться от поездки.

— Конечно, это здорово, но я же совсем его не знаю. Подумай, его наверняка раньше сопровождали красивые, уверенные в себе, шикарные женщины. Разве я умею, как они, доставлять мужчине наслаждение? Пойми, Лиз, это целый мир, незнакомый и сложный.

— Перестань, Эмма! Главное, ты ему нравишься, это очевидно. Одно то, что уважаемый бизнесмен дважды приходит к девушке, стоящей гораздо ниже его на социальной лестнице, говорит о многом. Зачем он шатается к нам, по-твоему? Съесть рыбу по-монастырски? Не верю! Как не верю и в то, что ты боишься его.

Да уж, Лиз права. Разве она боится его? Вспомнив их поцелуи, Эмма смутилась, благо Лиз не видела этого. Сейчас для нее весь мир сфокусировался на поцелуях Пьера.

— У нас нет ничего общего, — вяло пробормотала она.

— У вас есть одно общее: вы хотите друг друга, а это важнее всего остального. Для начала, разумеется, — ответила со знанием дела Лиз.

— Что ж, спасибо и на этом. Я почему-то была уверена, что ты будешь не подстрекать меня, а отговаривать.

— Эмма, ну когда ты начнешь жить, как все молодые красивые девушки? Нельзя же всю жизнь оставаться нянькой при бабушке! Ты преданная и добрая, это очень похвально, но нельзя забывать и о себе. Сейчас тебе выпал редчайший случай изменить свою жизнь. Я не утверждаю этого, нет, но все может быть. Надо хвататься обеими руками за этот шанс. Кстати, я уже позвонила Флер, и она страшно рада, что тебе так подфартило. Она просила, как только ты прилетишь в Париж, сразу позвонить ей в отель. Вы встретитесь, и Флер поможет тебе с туалетами. В конце концов, ты замечательно проведешь время, походишь по музеям, помотришь, как живут другие люди.

— Ты убедила меня, я поеду. Спасибо тебе, Лиз!

— И еще: не беспокойся, если придется задержаться, только позвони, чтобы я знала, что у тебя все в порядке. Целую, дорогая! — Лиз повесила трубку.

Отель! Это совсем другое дело, подумала Эмма. Она будет жить в отеле у Флер, и все будет зависеть от нее самой: когда и где встречаться и.., спать с ним или нет! Эта мысль привела ее в хорошее настроение. Прежний ее опыт общения с мужчинами ограничивался в основном разговорами и легким флиртом, который никуда не вел. Ее это вполне устраивало, точнее, она уверяла себя, что устраивает. Сексуальные желания ее никогда не волновали. Что же случилось теперь? Почему она так много думает об этом путешествии, вернее, о том неизбежном событии, которое должно было во время него случиться?

Эмма подошла к зеркалу и стала внимательно вглядываться в свое отражение. Да, она вполне сексуальна и хороша собой и готова подчиниться зову природы, но это не значит, что она бросит бабушку. Но разве бабушка будет против того, что ее внучка проведет выходные с мужчиной, да еще в Париже?! Конечно, она будет только рада.

Пьер ходил взад-вперед по залу для VIP-персон, поминутно поглядывая на часы. Лицо его все

больше и больше выражало раздражение и тревогу: неужели она не придет? Пьер не видел ее с того самого дня в ресторане, когда пригласил в Париж, то есть три дня назад, а ему казалось, что он не видел ее целую вечность. Каким образом эта девушка заимела над ним такую власть? Пьер не мог припомнить ни одного случая, чтобы он так волновался из-за предстоящего свидания с моделями или общепризнанными красотками. И вот на тебе! Сходит с ума от капризов официантки. Он ли это?

Пьер опять посмотрел на часы. Неужели его доверенное лицо и помощница Фиона не позвонила Эмме? Нет, подумал он, Фиона на редкость ответственная и надежная работница, значит, все в порядке, девушка просто опаздывает. Может, она набивает себе цену? Но это так непохоже на нее. Сейчас он уже злился, что затеял эту игру. Да к его услугам любая красotka, стоит только свистнуть... Ну и свистни, ухмыльнулся он.

Он опять глянул на часы... Нет, больше ждать нельзя, если она не появится через пару минут, он улетит один. Правда, зачем тогда ему вообще лететь в Париж? Этот город распахивает свои объятия для пылких любовников, знающих, что такое вожделение и страсть... И вдруг напряжение, охватившее Пьера, ослабло: к нему почти бежал Майлз.

— Мистер Редфайлд, мисс Робартс проходит регистрацию. Там на проходе кому-то стало плохо и произошла небольшая заминка. Сейчас она подойдет к вам.

— Спасибо, Майлз, — широко улыбнулся Пьер, чувствуя, как к нему возвращается уверенность в себе. Он уселся в кресло, достал газету и стал ждать, когда в дверях появится точеная фигура Эммы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Войдя в VIP-зал и увидев сидящего в кресле Пьера, Эмма так разволновалась, что вынуждена была опереться на руку стюарда, сделав вид, что поправляет обувь. Даже утром, когда все было готово, она терзалась: ехать или не ехать ей в Париж. Но сознание, что она может хотя бы ненадолго окунуться в другой мир, почувствовать себя желанной женщиной, увидеть Париж, полюбоваться на шедевры Лувра и другие всемирно известные памятники, стало решающим положительным аргументом.

Подняв голову, она увидела, что Пьер направляется к ней. И тут ее охватила такая паника, что она чуть не побежала назад. Бог мой! Неужели это к ней направляется красавец-мужчина? Ей казалось, что Пьера окружала какая-то необыкновенная аура, которой просто невозможно противиться. Она понимала, что не только личное обаяние и мужской шарм являются составляющими этой ауры, но и высокое социальное положение. Это был баловень судьбы, а она, Эмма, его каприз.

Эмма боялась сейчас только одного — выглядеть рядом с ним Золушкой, пусть даже и принарядившейся. Конечно, она одета, на ее взгляд, вполне элегантно: строгий черный свитер с глубоким вырезом, короткая черная юбка и серый твидовый жакет хорошо смотрелись на ней, но искушенный взгляд сразу определил бы, что вещи куплены не в самом дорогом магазине Лондона. Ладно, подумала Эмма, он знал, кого приглашает. У нее есть вкус, но на зарплату официантки его трудно удовлетворить, а ведь ей надо еще платить за квартиру, покупать лекарства для бабушки, изредка выбираться в театр или на концерт..

Но Пьер с таким неподдельным восторгом смотрел на нее, что Эмма даже засмушалась. Она была девушкой скромной, и столь пылкие проявления чувств ее пугали.

— Все-таки пришла! — хрипло проговорил Пьер, не спуская с нее глаз. Желание тут же

схватить ее в объятия и расцеловать сводило его с ума, но он же не мальчик...

— Сама не знаю, почему решилась на эту авантюру, — ответила Эмма дрожащим голосом. Лицо ее пылало, но она ничего не могла с собой поделать.

Пьер был достаточно опытным ловеласом, чтобы не сомневаться, что и она охвачена таким же страстным желанием, как он. Но.., это он тоже видел — девушка была столь же чиста, сколь и женственна. Удивительно, думал он, как могла такая женственная и сексуальная девушка так долго оставаться незамеченной? И как она похожа на лань, вдруг заметившую охотника и готовую мгновенно скрыться в чаще! Нет, последнее совсем не входило в планы Пьера, ни о каком бегстве Эммы теперь не могло быть и речи, эта пугливая, но роскошная красотка должна быть поймана. Знал бы он, что сам уже был пойман ею, причем без всяких дополнительных уловок, к которым обычно прибегают охотницы за такими мужчинами, как он. Но Пьер, как и большинство мужчин, считал, что именно он главный в этой игре, и решил действовать осторожно, чтобы не спугнуть ее. К тому же сейчас им двигало не только желание, но и тщеславие. О, эта девушка вызовет восхищение там, куда он ее привезет. Париж умеет ценить шарм и красоту, да еще приправленные такой сексапильностью!

— Вы бывали раньше в Париже? — начал он светский разговор.

— Нет. В одном из парижских домов моды работает дочь моей начальницы Лиз Моррисон —Флер. Мы дружим с детства, и я тоже хотела там поработать, но ничего не вышло. Мне хотелось бы получить какое-нибудь специальное образование, но сейчас не до этого, есть другие дела. Конечно, я Счастлива, что смогу увидеть этот волшебный город.

— Завидую вам. К сожалению, я не смогу сопровождать вас в прогулках по городу, слишком много деловых встреч запланировано на эти дни, свободны только вечера. Но мой шофер Майлз поступает в ваше распоряжение. Надеюсь, что быстро решу свои дела и тоже буду в вашем распоряжении, целиком и полностью.

Потрясенная Эмма даже не нашла ответных слов. Что он имеет в виду — целиком и полностью? Неужели он настолько уверен, что она станет его любовницей? Впрочем, зачем иначе бы он ее повез в Париж? Вот так сразу она не готова к близости, хотя безумно хочет снова очутиться в его объятиях и отдаться поцелуям... Она улыбнулась.

— Хорошо, — с трудом выдавила она. — Я благодарна вам за заботу, с машиной, конечно же, удобней. Кстати, вы не будете возражать, если я навещу свою подругу?

— Дорогая, вы можете ехать куда угодно, пока я занят. Я очень надеюсь, что вы уделите внимание и мне? — Пьер осторожно погладил ее руку.

У Эммы ослабели ноги, еще немного — и она упадет. Господи, помоги мне пережить эти выходные, молилась она про себя. Ей было так страшно и.., интересно. Разумеется, это будут дни счастья, но как она будет чувствовать себя потом, когда вернется домой? В реальный мир, где у нее будет только труд, жалкая квартирка и больная бабушка?

Однако она дала согласие, и поздно отступать назад!

Эмма неопределенно кивнула ему головой, и они пошли к самолету.

Отель, в котором они остановились, был один из самых шикарных, если не самый шикарный, в Париже. Эмма даже не представляла себе, какой роскошью и комфортом может быть окружен постоялец отеля. Стены, расписанные в стиле Людовика XV, подлинники итальянских

художников эпохи Возрождения, мраморные полы, хрустальные люстры и многое другое настолько поразили ее воображение, что она прониклась благоговением и только изумленно оглядывалась. Ей казалось, что и окружающие должны чувствовать нечто подобное в этом храме красоты и роскоши, но все занимались своими делами и не обращали ни малейшего внимания на живопись и мраморные полы. Роскошь была им привычна, как воздух, это был их обычный мир, повседневная жизнь.

Эмма подумала, что на ближайшие два дня это и ее мир, и, приняв независимый вид, стала ждать Пьера, который как раз заказывал номер. О, если б она знала, кто в них жил раньше! Только принцы и члены королевских семей имели право селиться в этих апартаментах, но как можно было отказать Пьеру Редфайлду с его обаянием и шармом?

Служащая отеля знала, что перед ней один из самых богатых людей Британии, неординарная личность и завидный холостяк. Разумеется, он получил то, что хотел. Эмма старалась не смотреть в его сторону, думая лишь о том, как ей сегодня же увидеться с Флер.

— Эмма!

Судорожно сглотнув, она подняла свой чемодан и черную кожаную сумку, собираясь идти к нему, но чуть замешкалась, боясь поскользнуться на мраморном полу.

— Оставь чемодан. Коридорный доставит багаж в наш номер. — Пьер уже стоял рядом. Он слегка дотронулся до ее талии и многозначительно посмотрел ей в глаза.

Эмма отвела глаза, засмутившись и проглотив язык. «Наш номер»! Бежать? Она судорожно вздохнула и робко посмотрела на него.

— Все в порядке? Тебя что-то не устраивает?

— О, да, то есть.., нет, все замечательно, такой красоты я никогда не видела, благодарю вас.

— Тогда расслабься и наслаждайся этой красотой, ты сама — сокровище и украсишь собой любое помещение, — мягко сказал он.

Пьер говорил искренне. Девушка была не только красива, но и удивительно грациозна, пластична. Потрясающе интересная женщина! Любопытно, осознает ли она свою привлекательность? Его также удивляло и умиляло, как она держит себя: естественно и с достоинством, как будто родилась во дворце. Откуда такое благородство в поведении и такие изысканные манеры у простой официантки? Конечно, ее работа предполагает какое-то копирование, но его не обманешь, он видывал аристократок с куда более худшими манерами. Эту девушку не стыдно привести в любое общество.

Они решили позавтракать и обсудить свой планы на ближайшее время. Пьер с удовлетворением отметил, что Эмма — весьма самостоятельная особа и не нуждается в няньке, но это его в какой-то мере и задело: ему хотелось, чтобы она чувствовала свою зависимость от него, может быть, тогда она будет сговорчивей... Отметил он также, что она довольно замкнута. Интересно, как и чем Лоуренс привязал ее к себе?

— Сейчас мы поднимемся в номер, надо переодеться и освежиться, ты не возражаешь? Мне очень не хочется оставлять тебя одну, но дела прежде всего, а когда я вернусь, пойдем погуляем, ну и.., там будет видно. — Он пристально смотрел на нее, ожидая ее ответа.

Эмма чуть покраснела под его взглядом, но глаз не отвела.

— Мне нравится ваш план, но не будем торопить события. — Она решила дать ему понять, что если он ожидает от нее чего-то конкретного вот так сразу, то его ждет маленькое разочарование. Это не значит, что она враждебно к нему настроена, отнюдь нет, но она не относится к тем женщинам, с которыми можно не церемониться. — Надеюсь, вы не обиделись, мистер Редфайлд?

Ничего не ответив, Пьер расстегнул пиджак, ослабил галстук и с наслаждением покрутил головой. На фоне окружающей роскоши он смотрелся еще более привлекательно и недостижимо... Неужели этот мужчина пригласил именно ее в Париж, снова удивленно подумала Эмма. Ей вдруг почудилось, что сзади стоит мама и говорит: любуйся, но руками ничего не трогай...

— Сними свои туфли, ты наверняка устала от таких каблучков. Твоим прелестным ножкам предстоит много потрудиться в эти дни, пожалей же их. — Пьер улыбнулся и шагнул к ней. Ее стройные ноги в черных чулках и черных туфлях были изумительно хороши, он едва сдерживал желание задрать ей юбку и.., но Эмма была так неприступна и холодна, что он оставил эту мысль.., пока.

Неожиданно девушка улыбнулась и сбросила туфли на ковер.

— Мне жаль, что вам и здесь приходится работать, — решила подсластить она пилюлю.

Пьер подошел к столу, пытаясь собраться с мыслями, его терзало желание уложить Эмму в кровать. Какие, к черту, дела! Какой, к черту, Париж! Но дела, ради которых он приехал сюда, не терпели отлагательства. Что ж, часа через три он освободится и повезет Эмму осматривать Париж.

— Надеюсь, что я наверстаю упущенное. Итак, дорогая, Майлз к твоим услугам, только надень удобную обувь. Думаю, тебе будет интересно заглянуть и в магазины, и все, что вам понравится, берите не раздумывая.

Эмма открыла рот, чтобы сказать ему о том, какими средствами она располагает, но Пьер уже закрыл за собой дверь номера. Что бы это все значило? Раздался телефонный звонок: Майлз ждал ее внизу. Он оказался очень приятным и доброжелательным человеком, сразу расположив ее к себе. Они быстро прониклись друг к другу симпатией и уже через несколько минут Эмма хохотала над его рассказами о встречах с разными людьми: до Редфайлда Майлз работал таксистом. Она давно уже так не веселилась, и как-то незаметно отодвинулись в сторону ее страхи и опасения по поводу взаимоотношений с Пьером.

Майлз оказался знатоком Парижа и, не спрашивая девушку, повез ее к Эйфелевой башне.

Потрясенная ее величием, Эмма даже струхнула и замялась, когда он предложил ей подняться наверх. Как он ее ни уговаривал, она отказалась подниматься по лестнице, и они сели в лифт. Наверху она взяла себя в руки и подошла к перилам. Изумительная панорама Парижа открылась перед ней: да, Париж стоит обедни, вспомнила она знаменитую фразу одного из французских королей.

— Ну и как? Поджилки трясутся? — иронично, но ласково поинтересовался Майлз.

— Фантастический вид! — только и смогла выдохнуть Эмма. Взволнованная, с горящими глазами и чуть растрепанными кудрявыми волосами, она была так хороша собой, что Майлз понял, почему его знаменитый босс увлекся этой казалось бы скромной официанткой. Что-то похожее на зависть шевельнулось в его душе, но он тут же себя одернул: у него есть жена

Вероника и они любят друг друга.

Майлз хорошо знал своего шефа, и ему были известны почти все его подружки, но Эмма, несомненно, настоящий бриллиант среди них, и дело не только во внешности, но и в том удивительном внутреннем богатстве, без которого самая раскрасавица быстро надоедает.

После осмотра Эйфелевой башни Эмма решила позавтракать с Флер и пригласила Майлза присоединиться к ним. Кафе, где они договорились встретиться, располагалось неподалеку от площади Согласия. Однако Майлз вежливо отказался, заявив, что им надо поболтать о своих женских делах, а он будет только мешать. Перед уходом он оставил ей номер мобильного телефона, по которому она сможет его вызвать.

Эмма дружила с Флер давно, еще со школы. Встретившись, они восторженно обнялись и уселись за один из столиков. Смеясь и перебивая друг друга, они стали выкладывать все, что с ними случилось за то время, пока они не виделись.

— Но я не спросила, почему ты приехала. Мама мне, правда, звонила, сообщив, что у тебя появился поклонник и это благодаря ему я теперь сижу с тобой. Расскажи мне о нем, — нетерпеливо попросила Флер.

— Флер, я...

— Где ты остановилась, кстати? Наверняка, в каком-нибудь шикарном отеле.

Эмма не стала ничего скрывать от подруги и вкратце рассказала ей историю своего знакомства. Флер изумленно таращила на нее глаза, явно заинтригованная.

— Эмма, да этот отель по карману только миллионерам. Выпить там чашку кофе с круассаном и то великое счастье, а ты будешь жить в нем! Молодец, что решилась!

Эмма смотрела на подругу и поражалась: неужели той казалось естественным, что девушку приглашают в Париж буквально через пять минут знакомства? Разве Флер не понимает, что за всем этим стоит? Значит, подруга не осуждает ее? Почему Флер не спросит, зачем она с головой бросилась в эту авантюру, что ее заставило очертя голову поехать за этим мужчиной? Сама Эмма уже знала ответ на этот вопрос: желание, безумное желание оказаться в его объятиях и, забыв обо всем, отдаться ему.

— Я.., ну что говорить, я вполне взрослая, мне нечего терять. Он очень внимательный и деликатный и ведет себя прилично. — Эмма замолчала, не зная, что еще говорить. Она усмехнулась про себя, так как определение «деликатный» никак ему не подходило, но у нее язык не повернулся сказать Флер, что она видит в нем только одно-единственное качество, ради которого и приехала сюда, — сексуальность.., а до остального ей нет никакого дела. Да, она запуталась в его силках и покорно последовала за ним.

Однако Флер неожиданно восприняла ее слова в штыки.

— Деликатный? Внимательный? Да ты что? Я и то оглохла и онемела, когда все услышала, а ты что-то там бормочешь про деликатность. Вот что, дорогая, сейчас же поедem ко мне, я тебя приодену, у меня есть потрясающее маленькое черное платье, коллекционное, между прочим. Тебе оно понадобится сегодня же вечером.

— Флер, зачем беспокоиться? — Эмма была потрясена добротой подруги. Она внимательно посмотрела на свою собеседницу и только сейчас заметила, как та шикарно и стильно одета,

какая у нее сумочка, костюм... все. А я что? — подумала Эмма.

— Никаких отговорок. Едем!

Спустя несколько часов Эмма уже падала с ног от усталости. Неувядаемая красота Парижа не могла оставить ее равнодушной. Она начала осмотр города с Лувра (не считая утреннего похода на Эйфелеву башню) и была потрясена входом через стеклянную пирамиду. Майлз сопровождал ее по залам дворца-музея, восхищаясь вместе с ней. Перед Джокондой они простояли больше двадцати минут, не в силах уйти от шедевра Леонардо да Винчи. Когда они наконец вышли из Лувра, Эмма почувствовала, что больше не в состоянии куда-нибудь идти. Майлз посоветовал ей вернуться домой, отдохнуть, а затем продолжить осмотр города. Так она и сделала.

Войдя в номер, она от неожиданности вздрогнула: возле инкрустированного слоновой костью столика в роскошном кресле сидел Пьер и потягивал вино из хрустального бокала.

— Привет! Вот так сюрприз! — Эмма приняла независимый вид. — Как вам удалось опередить меня?

Пьер с восхищением смотрел на нее: какая она сейчас была хорошенькая! Румяная, с чуть растрепанными кудрями и блестящими карими глазами, Эмма, казалось, сошла с картины Ренуара. Еще полчаса назад он занимался скучнейшими делами и, придя в отель, решил выпить бренди, чтобы привести себя в хорошее настроение, но эта девушка заставила его мгновенно забыть обо всем, кроме одного: он в Париже с очаровательным созданием, которое сейчас почти в его руках...

Пьер поднялся, снял галстук и стал снимать пиджак, не сводя с девушки пристального страстного взгляда.

— Встреча была скучной, но чрезвычайно важной для моих дел. Ну а вы.., ты? Как Париж? Надеюсь, ты не настолько устала, чтобы продолжать развлекательную программу?

— О, я очень счастлива. Мы с Майлзом поднялись на Эйфелеву башню, без него я ни за что не решилась бы подойти к перилам. Встретилась со своей подругой Флер, потом.., потом был Лувр. Пьер, как я вам благодарна за Париж! Собственно, я вернулась, чтобы отдохнуть.., мои бедные ноги... — Эмма жалобно посмотрела на Пьера.

— Давай-ка я помогу тебе раздеться. — Он подошел к ней и стал снимать с нее плащ. — А куда ты дела Майлза? — Но тут он увидел на ней платье, подаренное Флер, и обалдел: настолько оно ей шло, подчеркивая красоту бедер и высокого бюста. У него закружилась голова от ее запаха: каких-то изысканных духов и сугубо женского, интимного. Черт бы побрал цивилизованные методы ухаживания! Он готов был наброситься на нее тут же, как дикий зверь где-нибудь в чаще леса настигает самку...

Эмма скрестила на груди руки, как бы отгораживаясь от его горящего раздевающего взгляда, и упорно разглядывала совершенно неинтересную ей статуэтку охотника, пусть даже из самого дорогого севрского фарфора... Но все было бесполезно. Между ними уже возникло сильнейшее электрическое поле.

Эмма, затаив дыхание, ждала... Все красоты Парижа временно померкли перед тем, что должно было случиться. Ее как магнитом тянуло к этому мужчине, которого судьба подарила ей.., пусть на несколько дней. Даже непонятно, как оказались в одно время и в одном месте Эмма Робартс, официантка, и Пьер Редфайлд, светский лев и миллионер? Здесь какая-то

ошибка, ведь ясно, что для него это всего лишь игра!

— Майлз поехал к себе, сказал, что будет ждать ваших распоряжений, — тихо сказала она.

— Вот как? — Пьер подошел к столику, на котором стоял телефон, набрал номер и стал что-то говорить по-французски.

Эмма сначала не включилась в разговор, французский она учила в школе и плоховато понимала речь, но через минуту до нее дошел смысл приказаний: он просил Майлза не беспокоить его в течение ближайших трех часов.

— Что тебе хочется сейчас больше всего? — через минуту-другую обратился к ней Пьер. Голос выдавал его волнение и напряженное ожидание.

— Я.., мне.., я не понимаю вас, — Эмма смущенно пожала плечами.

— Тогда задай мне тот же вопрос... Эмма замерла, поняв, что он имеет в виду. Что делать.., что делать.., лихорадочно соображала она, стараясь не смотреть на него.

— Пьер, чего вам сейчас хочется больше всего? — с трудом выдавила она из себя.

— Дорогая, больше всего на свете я хочу заключить сейчас тебя в объятия...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Не отдавая себе отчета в том, что она делает, Эмма направилась в спальню.

— Но я.., я еще не разобрала свои вещи, — прошептала девушка, не зная, какую придумать отговорку, чтобы оттянуть момент, которого она и сама ждала с не меньшим нетерпением, чем Пьер.

— Горничная уже все сделала, пока тебя не было. Ты меня слышишь?

Эмма по инерции прошла еще пару шагов и остановилась, совершенно потрясенная размерами и шикарным красным шелковым убором кровати под балдахин. Потом беспомощно оглянулась на Пьера.

— Горничная все сделала? — Ей было немного стыдно и неприятно, что чужие руки разбирали ее вещи, тем более что вещи были очень скромные.

— Что ж тут особенного? Вещи могли помяться и... Эмма, почему ты стараешься ускользнуть от меня? — ласково спросил он, понимая, что она панически боится его, этой роскошной кровати и того, что должно произойти.

— Я? Ничего подобного, — смущенно пробормотала Эмма. — Я просто люблю порядок...

Пьер почему-то вдруг почувствовал тоже какое-то.., нет, не смущение, а недоумение. Почему он так страстно хочет эту женщину? Да, ее физическая красота очень притягивала его, но только ли это? Он почему-то верил, что его новая возлюбленная очень искреннее и бескорыстное создание, к тому же, вероятно, невинное. Хватит с него активных и алчных хищниц, которые после пылких любовных ласк тут же предъявляли ему какие-то требования и считали его деньги своей собственностью.

— Эмма, неужели ты боишься меня? — Он осторожно шагнул к ней.

— Нет.., мне.., я не знаю. — Эмме не хотелось казаться совсем уж дикой. И раз она здесь, то строить из себя недотрогу смешно... Но как получилось, что она стала такой беспомощной? Разве ей не приходилось неоднократно справляться с самыми неуправляемыми посетителями, набравшимися не в меру вина? Сколько раз к ней липли разные мужчины, иногда даже с купюрой в руке, полагая, что ее внимание тоже входит в меню! Но между теми похотливыми клиентами и Пьером Редфайлдом слишком большая разница, хотя мотивы их поведения практически одинаковы. Однако зачем ей обманывать себя? Эмма вся дрожала от мысли, что он сейчас к ней прикоснется.

— Эмма, дорогая, успокойся! Неужели я так опасен в твоих глазах? Когда ты узнаешь меня получше, ты поймешь всю необоснованность своих страхов, — вкрадчиво произнес Пьер.

Эмма кивнула. А что ей оставалось еще делать? Он вел себя как джентльмен.., почти как джентльмен: не агрессивен, не нахален, а ведь мог бы и власть употребить, в конце концов, зачем он привез ее в Париж? Он стоял почти рядом, и аромат его одеколona обволакивал ее, кружил ей голову. Ей хотелось прижаться к этому мужчине и испытать все радости, которые он мог ей подарить. Господи, как она держится до сих пор?

Эмма вовсе не была невинной овечкой. У нее уже был любимый человек, преподаватель экономики Ричард. Она буквально потеряла от него голову, но в юные годы это вполне естественно. Он вроде бы тоже любил ее. Эмма уже думала о будущем, но конец их отношений оказался весьма грустным и прозаичным: Ричард имел жену и двоих детей. С тех пор Эмма сразу же обрывала все попытки мужчин завязать с ней близкое знакомство. Но Пьер.., она чувствовала, что не в силах сопротивляться ему.

— Единственное, о чем я сейчас в состоянии думать, это твои губы и твое божественное тело, хрипло пробормотал он.

Эмме хотелось ответить, что она готова и не понимает, почему он медлит.., но слова застряли в пересохшем горле. Повинуясь какому-то темному инстинкту, она вдруг провела пальцем по его губам и тут же отдернула руку. Однако этот жест вызвал в нем приступ ярости.

— Я не мальчик, чтобы играть со мной! — раздраженно бросил Пьер и с силой притянул ее к себе. Его руки заскользили по ее груди и бедрам и сплелись за спиной. — Поцелуй меня!

Эмма потянулась к губам Пьера и нежно прижалась к ним. Но мужчина, уже не владея собой, перехватил инициативу и впился в эти беспомощные пухлые губы.., затем стал покрывать мелкими чувственными поцелуями ее шею. Эмма горела как в огне, отдаваясь его ласкам и позволяя ему то, о чем еще полчаса назад не могла даже без страха подумать. Пьер, удивленный, еще более возбуждался ее страстностью, едва владея собой, оттягивая последнюю ласку... Правда, где-то глубоко в мозгу занозой сидела мысль о Лоуренсе... Получала ли она такое наслаждение в объятиях его сына? Так ли страстно стонала и извивалась, когда Лоуренс целовал ее грудь? В том, что Эмма спала с его сыном, он не сомневался, несмотря на все ее отговорки и заверения.

— Пьер! — Она слегка отстранилась.

— Что такое? — Он видел только ее искусанные и опухшие губы, что вызывало в нем дикое желание продолжить любовную игру.

Темные глаза Эммы изумленно и ласково смотрели на него. Губы сжались и раскрылись, она облизнула их и нервно передернула плечами. — Ты специально пришел пораньше?

Пьер взял ее за подбородок и жадно посмотрел на заалевшее лицо.

— Эмма, ты все еще боишься меня? Но ты же знала, зачем я пригласил тебя с собой в Париж!

Она молчала, понимая, что он прав, но она.., она не могла вот так сразу лечь с ним в постель.

— Тогда я спрошу по-другому: у тебя большой опыт в постельных делах? У тебя были любовники?

Волнение, страх, стыд сдавили горло девушки. Но отвечать надо.

Я не девственница, если вы это хотите знать.

Этот факт сам по себе для Пьера не имел значения, он хотел эту девушку независимо от ее любовного опыта, тем не менее признание Эммы взволновало его. Он заходил по комнате взад-вперед, недоуменно спрашивая себя: раз так, то прелестная Эмма тем более должна была понимать, куда ее привезли и чем все должно закончиться!

— Это.., вообще-то не имеет значения, но я имел в виду твой любовный опыт.

Эмма залилась краской, но подняла голову и смело посмотрела на него.

— Моя первая и последняя связь или, если хотите, любовные отношения, продолжались три месяца и закончились шесть лет назад в тот день, когда я узнала, что мой возлюбленный женат и имеет детей. К тому же встречи происходили очень редко и в довольно-таки не подходящих условиях. Теперь вы все знаете о моем любовном опыте. Не сомневаюсь, что сейчас вы пожалели, что пригласили меня с собой.

— Эмма, вы напрасно иронизируете. Вы мне очень нравитесь, надеюсь, и я вам. Иначе не стояли бы сейчас здесь и не отвечали бы столь пылко на мои поцелуи. Именно потому я и задал этот щекотливый вопрос. Подчеркиваю, мы оба хотим принадлежать друг другу, но о продолжении нашего знакомства дальше не может быть и речи. Я стараюсь быть искренним и хочу, чтобы вы правильно оценили наши отношения.

Эмма ожидала чего угодно, но только не такого откровенного признания. Бог мой! Неужели он мог подумать так о ней? Зачем, зачем она согласилась ехать с ним? Но, с другой стороны, ей не пятнадцать лет, она не девушка, и что, спрашивается, мешает ей получить наслаждение по высшему разряду? А Эмма не сомневалась в том, что она его получит, особенно по сравнению с всегда поспешными и грубыми ласками Ричарда. Конечно, у нее вошло в привычку подавлять свои желания, но с Пьером она непременно позабудет обо всем.

Пьер молча следил за Эммой, понимая, что ей сейчас трудно принять какое-то решение. Но он так же осознавал, что она податлива и чувственна, но не ведает, как вести себя в этой игре.

— Я понимаю, где сейчас нахожусь, да и вы не скрывали своего отношения ко мне с первых минут приезда в Париж. Спасибо, что предупредили о том, что между нами не может быть ничего серьезного. В вашей жизни на ближайшие дни мне отведено вполне определенное место — в постели. Я понимаю, что не отношусь к тем дамам, которые сопровождают и окружают вас в повседневной жизни. Право же, как можно официантку ввести в ваш социальный круг! Все правильно, мистер Редфайлд.

Пьер слушал Эмму, затаив дыхание. Такой отповеди он не получал еще ни разу в жизни. Обычно, когда очередная пассия устраивала ему сцены, а потом уходила от него навсегда, он,

как правило, испытывал облегчение, но сейчас... Сейчас все его чувства противились услышанному. Ему было даже немного стыдно. Неловко. Горечь, звучавшая в ее голосе, отравила и его. Нет, эта девушка достойна того, чтобы узнать ее поближе!

— Эмма, ну что ты раскипятилась? Давай внесем ясность.., дело не в том, что ты официантка, просто я не готов к серьезным отношениям и не хочу стабильности. Я уже был однажды женат, как ты понимаешь, на матери Лоуренса. Но мы с Наоми были слишком молоды и слишком эгоистичны, каждый в своем роде. Даже рождение сына не укрепило наш брак. Сейчас мои связи с женщинами носят определенный характер — меня интересует только удовольствие. — Он криво ухмыльнулся и вздохнул.

Эмма внимательно и даже с какой-то жалостью слушала его.

— Но, — продолжал он, — хотя ты и не очень лестно думаешь обо мне, уверяю тебя, я не так безнадежно порочен и не хочу получить тебя силой. Ты здесь потому, что сама захотела поехать в Париж, и если ты решишь вернуться в Лондон, я не буду держать тебя. Майлз по-прежнему к твоим услугам. Решай, и поскорее!

Теперь, когда бразды правления над ситуацией перешли в ее руки, Эмма решила, что обошлась слишком строго с Пьером. Нужно радоваться, что ты в Париже, что к твоим услугам роскошнейшие апартаменты, что твоих ласк добивается мужчина, о котором можно только мечтать. Нет будущего? А с чего ты, дорогая, решила, что у тебя с ним будет будущее? С самого начала было ясно, что она нужна ему только как объект наслаждения, впрочем, как и он ей, решила Эмма. Конечно, она постарается сбросить с себя его чары.

— Пьер, простите мою горячность, — она поднесла руку к шее, — но если вы.., словом, я хотела бы остаться.

— Эмма, дорогая, остаться в Париже.., или остаться со мной? Я хочу быть с тобой и ради этого пригласил тебя, разве это не ясно?

Эмма нервно сжала руки.

— Я.., предполагала, что наше путешествие должно закончиться этим.

— Но ты же могла отказаться, а теперь мне непонятно твое поведение.

— Сказать, почему я так поступила?

— Ну да! Говори все как есть, ничего не скрывая. Может быть, у тебя есть молодой человек?

Эмма исподлобья глянула на Пьера, который все больше и больше раздражался.

— Нет, нет, — поспешно выпалила она. Ричард остался в прошлом, она вычеркнула его из своей жизни, равно как и воспоминания, связанные с ним. В юности кажется, что впереди много счастья, но пока ей ничего от жизни не перепало, в душе одни только потери и разочарования. — Пьер, мне бы не хотелось говорить об этом.

— Но я не верю, что у такой очаровательной девушки за шесть лет не было любовника. Куда смотрели окружающие тебя мужчины?

Эмма опустила глаза вниз, как бы изучая узоры роскошного ковра. Ему стало жаль эту невостребованную Венеру. Но почему она сейчас не хочет испытать то, что он готов дать ей в

любую секунду?

— Пьер, мне сложно ответить на ваш вопрос. У нас с вами разные взгляды на человеческие отношения, и особенно любовные. Возможно, я не права, но то, что для вас норма, для меня недопустимо. — Эмме вдруг стало стыдно и неловко.

Да, думал Пьер, похоже, она из тех романтических женщин, которые не видят вокруг людей, достойных своей мечты. Они мечтают о принце, но в большинстве случаев довольствуются тем, кто им встретится на одной из вечеринок, в кафе или тому подобном месте, то есть там, куда принцы не заходят. Он встал с кровати и подошел к ней.

— Эмма, я давно работаю с людьми, всегда уважал своих партнеров и их желания. И, как мне кажется, они относятся ко мне так же. Я привык к откровенному стилю поведения, привык к тому, что между нами нет недомолвок. Мне хотелось бы, чтобы между тобой и мною было нечто похожее, пусть и на короткий срок. — Он помолчал и продолжал:

— Эмма.., я хочу тебя, очень хочу.., но все должно быть по согласию с тобой, то есть тогда, когда ты сама захочешь принадлежать мне. Думай и решай! — Он наклонился и нежно поцеловал ее в полуоткрытые губы. — Ну, все еще дрожишь, глупышка?

— Я? Нет...

— Ну тогда как насчет того, чтобы прогуляться? Около отеля много замечательных кафе, где подают очень вкусные вещи. Я ужасно проголодался, к тому же мне хочется показать тебя французам, большим знатокам женской красоты. Ко всем прочим моим недостаткам я еще и тщеславен.

Эмма кивнула головой, но в душе была разочарована, она ждала, что он... Впрочем, что можно ждать после ее такого обличающего выступления? Сейчас они могли бы лежать в этой роскошной кровати, а теперь придется тащиться в какое-то кафе.

— Пожалуй, вы правы, от кофе я не откажусь. Принимаю ваше предложение, но вам придется немного подождать: мне надо привести себя в порядок, — с этими словами Эмма вышла в туалетную комнату.

Пьер только вздохнул: вместо того чтобы заниматься сейчас любовью с этой красоткой, ему придется идти в какое-то кафе... Черт возьми, подумал он, я ведь сам навязался ей с этим кафе.

Они спустились вниз и через минуту уже были на бульваре Сен-Жермен.

— Эмма!

— Да?

— Это одно из самых элитарных кафе Парижа, где собираются известные писатели, поэты и артисты, то есть цвет парижской литературно-художественной богемы. Перечислять всех его посетителей не буду, так как их слишком много. Пьер с интересом огляделся. — Здесь часто читают стихи, иногда даже выступают известные музыканты.

Эмма с интересом и восхищением смотрела на сидящих вокруг парижан и туристов, вальяжных, прекрасно одетых, явно богатых... Что делает среди них она? Волна удовольствия охватила ее, на глазах выступили слезы, которых, к счастью, Пьер не заметил: у столика появился официант и стал принимать заказ. Когда тот отошел, Пьер с видимым наслаждением

откинулся на спинку стула, расстегнул пиджак и нежно улыбнулся Эмме. Эта улыбка, лукавая и затаенная, предназначалась в арсенале его обольщений исключительно для женщин. Эмма хотя и ответила на его улыбку, но все же решила быть с ним построже: она не знала, как ведут себя в подобных ситуациях опытные женщины, и на всякий случай решила обороняться.

— Могу ли я думать, что вам нравится Париж и что вы не жалеете о своем решении сопровождать меня? — обратился к ней Пьер.

Эмма сделала вид, что не заметила его иронии.

— Париж есть Париж, я получила огромное удовольствие даже от той малости, что мне удалось увидеть... Но ведь в Лувр надо ходить каждый день, как на работу..., а я была там всего лишь несколько часов. Пьер.., мне хотелось бы еще раз увидеть Джоконду.., и вместе с вами, вы согласны?

Конечно, дорогая. Шедевр Леонардо стоит того, и я с удовольствием пойду с тобой в Лувр. — Пьер решил проявить великодушие, но если быть честным, то ему немного претил такой эмоциональный перебор. Конечно, ее молодость могла служить оправданием, но он не для осмотра Лувра привез ее в Париж! — Однако в Париже много и других удовольствий, они тоже ждут нас, — он нежно сжал ее пальцы.

Эмме показалось, что ее пронзил ток, но в то же время она вдруг остро почувствовала, насколько они далеки друг от друга. Успешный бизнесмен, стоящий на самой высокой ступеньке социальной лестницы, и бедная официантка, не получившая образования, которая живет с больной бабушкой. Она высвободила руку и посмотрела на него:

— Возможно, мое пылкое восхищение искусством кажется вам ребячеством, но зачем я буду скрывать свои чувства? Вы осуждаете меня?

— Эмма, помилуй, с чего ты взяла, что я осуждаю тебя?

Она подняла глаза и с удивлением обнаружила, что Пьер ласково и доброжелательно смотрит на нее.

— Напротив, я нахожу твой восторг совершенно естественным. — Он снова завладел ее рукой, и эта нежная трепещущая рука покорно подчинилась его воле.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Что я делаю, что я делаю? — крутилось у нее в голове. Что подумает бабушка? Но я не делаю ничего плохого. Неужели она не простит мое легкомыслие?

Неизвестно, до чего бы додумалась Эмма, но подошел официант с огромным подносом. Чего там только не было! Пирожные, фрукты, тартинки, маленькие корзиночки, от которых шел потрясающий запах. Эмма в предвкушении облизала губы, и этот жест подсказал Пьеру, что не все потеряно для него...

Они принялись за еду, изредка обмениваясь репликами по поводу того или иного блюда. Пьер старался блеснуть своими гастрономическими познаниями, но Эмма непонятно почему становилась все молчаливее и молчаливее. Он не мог понять, в чем дело, хотя все объяснялось просто: ей трудно было сдерживать свои эмоции, не хотелось показывать ему, что она уже на все согласна...

— Расскажи-ка мне о себе немного, — решил он начать с другого конца. — Ты давно работаешь официанткой?

— Почти шесть лет, — она взяла очередное пирожное.

— Значит, тебе нравится твоя работа? Она покраснела и нахмурилась. Пьер обругал себя за бестактность: вот дурак, да какое ему, в сущности, дело до ее профессии? У него нет предрассудков на этот счет. Возможно, это говорит не об отрицательных чертах ее характера, а, наоборот, о трудолюбии и постоянстве. Карьеру можно сделать и в сфере обслуживания.

— Мориссоны, Адам и Ева, родители моей подруги Флер, прекрасно ко мне относятся, к нам приходит приличная публика, я даже получаю удовольствие от своей работы.., да, да, не улыбайтесь. Впрочем, вам этого не понять.

— Эмма, я могу понять тебя, напрасно ты так обо мне думаешь. Но неужели тебе никогда не хотелось заняться другим делом? Ты сейчас восхищалась живописью, расспрашивала меня о писателях... Ты так молода, перед тобой открыты все дороги, вот почему я и спросил, нравится ли тебе твоя работа.

— Я думала о своем будущем, и не раз, но у меня на руках больная бабушка, она нуждается в опеке, а сейчас ей предстоит тяжелая операция.

Мы с ней одни остались на свете, и потом.., у меня нет денег, ведь ученье требует определенных финансовых затрат, — вздохнула Эмма.

— Ты права, а что с бабушкой?

— Сердце. Врачи говорят, без операции она долго не протянет. Но не будем об этом, извините, — она полезла в сумочку за платком, так как слезы непроизвольно потекли из глаз.

— Нечего извиняться. Любви и искренних эмоций не стесняются. — Пьер уже протягивал ей тончайший полотняный квадрат с фирменным лейблом в углу.

— Спасибо. — Она с облегчением вздохнула и промокнула глаза. Ей снова пришло в голову, что она не умеет владеть своими эмоциями, как бы он ее ни успокаивал. Разумеется, он воспитанный человек и спросил о домашних делах из вежливости. Но это лишь прелюдия к тому, что должно произойти вечером, в номере... Если произойдет...

— Пирожные восхитительные, но плохо, что они такие маленькие, ешь и не замечаешь, которое по счету отправилось в рот, — резко переменяла она тему разговора.

Наблюдая за ней, Пьер все больше проникался к ней симпатией. Какая милая, очаровательная девушка! Ему вдруг захотелось защитить ее. Это было такое неожиданное чувство, что он даже растерялся, у него никогда раньше не возникало подобных желаний. Кто бы мог подумать, что все повернется не так, как он планировал! Маленькая прогулка по Парижу, потом сладостный отдых с очаровательной спутницей в постели, совместная ванна, ужин в одном из шикарных ресторанов на улице Риволи, где за ним закреплен постоянный столик, и потом ночь любви... И так все выходные дни... Но план как-то сам собой рассыпался.

— У тебя прекрасная фигура, и ты можешь пока не отказывать себе в гастрономических удовольствиях, — не удержался он от незлобивой шутки. — Надеюсь, мы продолжим прогулку по вечернему Парижу или ты хочешь вернуться в отель?

— Нет, нет, мне еще не хочется спать, я буду рада прогуляться с вами! — воскликнула девушка.

— Вот и хорошо. Кстати, когда мы вернемся к себе, ты можешь позвонить бабушке, чтобы она не волновалась за тебя, идет?

— Я и собиралась позвонить, но, думаю, надо позвонить сейчас, иначе будет уже поздно для нее. А потом — все остальное.

— Так и сделаем. Но, по-моему, собирается дождь, — Пьер озабоченно посмотрел на Эмму.

Действительно, небо нахмурилось, прохожие ускоряли шаги, и вскоре прогремел гром. Дождь забарабанил по тротуару и крыше кафе. Эмма поняла, что они пока никуда не могут идти.

— Пьер, ну что мы все обо мне да обо мне. Расскажите о себе, о вашей работе. Чем вы занимаетесь?

Пьер тяжело вздохнул: Господи, за что ему это наказание? В Париже, в кафе, вечером, с прелестной девушкой ему меньше всего хотелось говорить о делах. Неужели она такая непробиваемая?

— Я руковожу одной из ведущих консалтинговых фирм. Но поверь мне, Эмма, все эти скучнейшие финансовые дела будут тебе неинтересны. Поговорим лучше об искусстве, — попытался ускользнуть он от разговора на служебные темы.

— Разумеется, официантка не может быть так умна, чтобы ее удостоил серьезной беседы такой мужчина, как вы! — в ее голосе прозвучала неподдельная обида.

— Помилуй, я не хотел тебя обидеть! Но мне кажется, такой чудесный вечер располагает говорить скорее о Боттичелли и Моцарте, чем о банковских операциях. Кстати, ты любишь классическую джазовую музыку? И потом.., я не любитель хвастаться своими успехами в работе, как, впрочем, и в личной жизни. — Пьер говорил с некоторым раздражением, постукивая по столу кончиками пальцев.

Как ни странно, Эмма почувствовала какое-то внутреннее родство с этим человеком, и ей очень захотелось узнать его поближе, понять, что скрывается за маской самоуверенного красавца Пьера Редфайлда.

— Мы живем в обществе потребления, — начала она. — Люди обычно оценивают своего ближнего по количеству денег на его банковском счете, что далеко не всегда соответствует истинному содержанию человека.

Пьер был поражен ее словами. Он внимательно и серьезно посмотрел на нее: девушка была явно из интеллигентной семьи и получила хорошее воспитание, но, видимо, что-то случилось, раз они с бабушкой остались одни без средств к существованию.

— Ну, тебе не стоит заикливаться на этой мысли, — возразил Пьер.

— Вы полагаете? Но люди часто судят обо мне, не зная, кто я и что я, причем не сознавая, что причиняют боль. Как часто мне делали больно просто так, походя. Я приходила домой и плакала от обиды, и ваш сын Лоуренс старался успокоить меня. При всех его недостатках у него есть одно поразительное качество: он умеет слушать, а потом незаметно перевести разговор на другое, например, начнет вдруг рассказывать о скульптурах Родена...

Услышав такие неожиданные слова о своем сыне, Пьер растерялся. Сам того не подозревая, он тосковал о сыне, часто думал о нем, но считал, что тот должен хотя бы немного потрудиться самостоятельно. Были моменты, когда он ругал себя за то, что не смог добиться с ним взаимопонимания. Сейчас он представил себе, как Эмма и Лоуренс сидят на софе и болтают..., только ли болтают? Не скрывает ли она их истинных отношений? Он чуть не застонал вслух от ревности. Ему вдруг расхотелось затевать с ней любовную игру.

— Я полагаю, ты скучаешь о нем... — Пьер еще яростнее стал отбивать ритм кончиками пальцев.

— Лоуренс поступил некрасиво, и мы немного поссорились, но, думаю, он осознал свою ошибку и мы помиримся. — Эмма даже представить себе не могла, что Пьер ревнует ее к собственному сыну!

Пьер молчал, стараясь не поддаваться чувству неприязни к этой девушке, которая решила за чужой счет посмотреть Париж и оставить его, Пьера Редфайлда, с носом! Он уже забыл, что еще час назад считал ее искренней и порядочной. Морозящий дождь, жгучая ревность и разгоревшееся лицо Эммы — она, очевидно, вспомнила ласки Лоуренса — привели его в какое-то истерическое состояние. Пьер понимал, что не имеет никаких прав на эту девушку, но и отказаться от нее он не мог! К черту ее возвышенные чувства! К черту его благородство! Сейчас, здесь, в Париже, они не к месту! Интересно, у нее бессознательное кокетство или она нарочно прищуривает глаза в пушистых ресницах и облизывает кончиком языка свои пухлые губы?

— Эмма, я думаю, нам пора возвращаться в отель, погода явно не располагает к прогулкам, как ты считаешь?

— Но мы же..., можем подождать, дождь скоро закончится.

— Но мы можем переждать дождь в отеле и погулять после.

— После чего?

— После того, как кончится дождь! — Он встал, подошел к Эмме, поднял ее и поцеловал прямо в губы.

Эмма потеряла дар речи. Она раскрыла рот, но слова застряли в горле. Ошеломленная дерзкой выходкой Пьера, она смотрела в его горящие желанием глаза, чувствуя, как у нее загорается кровь. Пьер нетерпеливо махнул рукой официанту, потом не глядя вынул несколько банкнот и бросил их на столик. Схватив Эмму за руку, он почти потащил ее к выходу. Она, подобно кукле из папье-маше, откликнулась на каждое его движение. В мозгу у нее билась лихорадочная мысль: сейчас ей предстоит войти в клетку с диким животным.

Рука об руку, шлепая по лужам, они пришли в отель. Возбуждение и желание охватило их до такой степени, что оба молчали, стараясь не смотреть друг на друга. Если бы в лифте с ними не было пожилой пары, он бы схватил ее в объятия и остановил лифт... Дрожа как в лихорадке, она ждала, пока он откроет дверь номера. В следующее мгновение дверь за ними захлопнулась и мир перестал для них существовать.

Дрожащими руками Пьер стал стаскивать с нее мокрую одежду, потом разделся сам. Эмма была сейчас так хороша со своими влажными спутанными волосами, разгоревшимся лицом, остро и пряно пахнущая, что он едва сдерживал себя. Но красота ее обнаженного тела заставила его забыть обо всем на свете!

Пьер со страстью прильнул к ее губам, и хотя щетина жгла ее нежную кожу, Эмма ничего не замечала, отдаваясь его бесстыдным ласкам. Когда он осторожно положил ее на ковер, она уже почти не осознавала, где она и что с ней делает этот забывший обо всех приличиях мужчина. Происходящее было неподвластно ее воле, она лишь громко стонала и изредка хрипло выкрикивала:

Пьер.., еще.., еще... Пьер!

Но его не нужно было ни о чем просить, он снова и снова с наслаждением овладевал ею, осыпая поцелуями, терзая ее и лаская...

Потом они долго молча лежали, и Пьер не мог поверить, что держит ее в объятиях. Бог мой, эта девушка создана природой для любви.., и для него. Он сейчас был счастливейший мужчина в Париже. Эмма возбуждала в нем такое сильное эротическое желание, о котором он давно забыл, хотя имел женщин сколько хотел и когда хотел. В чем дело? — спрашивал он себя.

Возможно, у него возникло пресыщение заученными ласками красоток и светских львиц, которые в любовной игре любили только себя и любовались только собой, а Эмма... Эмма смотрела на него такими любящими глазами, она так отдавалась, как будто он был богом. Он снова склонился над ней и молча, без единой ласки взял ее.

Эмме казалось, что здесь, на ковре, лежит не она, а какая-то незнакомая ей женщина. Что с ней делает этот мужчина? Ее чувства были обострены до предела. Почти бессознательно она повторяла:

— Не останавливайся, Пьер, еще.., еще...

Он чуть отодвинулся от нее.

— Ты даже не представляешь, как хороша сейчас, — он снова прильнул к ней, и какое-то время в комнате лишь раздавались их стоны.

Наконец пылкие ласки чуть ослабли и они снова обрели дар речи.

— Ты не хочешь принять ванну? — он многозначительно посмотрел на девушку.

— Ванну?

— Да, вместе со мной, — уточнил он, пожирая взглядом ее прелести, и не дожидаясь ответа, подхватил ее на руки и понес в роскошную ванную.

О! — только и успела выдохнуть Эмма.

— Надеюсь, юная леди, ты не будешь теперь ругать меня за то, что я привез тебя в Париж? засмеялся он.

Пьер повел ее в фешенебельный ресторан на улице Риволи, как и обещал. Они были, пожалуй, самой заметной парой, во всяком случае, взгляды присутствующих говорили об этом. Эмма чувствовала себя почти счастливой, только иногда, вспомнив о бабушке, она мрачнела, но тут же успокаивала себя тем, что бабушка была бы рада за нее. Пьер смотрел на нее с видом собственника, и желание в его глазах находило ответный отклик во всем ее теле. Оба едва замечали изысканные яства, стоящие перед ними, думая о десерте, который их ждал в спальне...

— Ты будешь навещать Лоуренса в Корнуолле? — неожиданно спросила Эмма.

Улыбка медленно сползла с его лица.

— Не знаю, вряд ли он пригласит меня, а напрашиваться я не собираюсь.

Эмма мысленно возрадовалась. Наконец-то он хоть как-то проявил отцовское чувство, похоже, есть надежда, что их отношения наладятся. Конечно, Пьер был справедливо недоволен сыном. Сделав блестящую карьеру благодаря своим способностям, он ожидал, что и сын найдет свое место в жизни, но все оказалось наоборот: сын не хотел идти по стопам отца.

— Пьер, я даже не сомневаюсь, что Лоуренс хочет с тобой помириться и только ждет от тебя знака.

— А ты не преувеличиваешь, девочка?

— Лоуренс, конечно, легкомыслен и циничен, но это пройдет.., это молодость и своего рода самозащита., одинокого человека. — Она старалась подбирать слова, чтобы не задеть отцовское чувство.

— Позволю себе не согласиться. У него были все данные и любые возможности, чтобы быть не тем, кем он является сейчас. — Пьер сжал зубы и сглотнул, после чего с горечью продолжил:

— Мне кажется, что ты способна видеть в людях только хорошее, ты слишком добра и наивна. — Он взял ее руку и погладил, не преминув подумать, что такую руку не грех украсить красивым бриллиантом.

— Разве это плохо?

— Ты сама сказала, что мы живем в обществе потребления. Тебе будет трудно утвердиться в нем с таким отношением к жизни. Тебя просто-напросто затопчут.

— Но до сих пор меня же не растоптали, я никому не завидую и никому не перебегаю дорогу, за что же меня топтать?

— И все-таки мне бы не хотелось, чтобы равнодушная и злая рука сорвала такой цветок, понимаешь, девочка? — Пьер ласково сжал ее руку. Сейчас он был искренен и счастлив. Но вдруг ему пришла в голову неожиданная мысль: а что, если она забеременеет? Сегодня он был слишком неосторожен! — Эмма, я вот что подумал... Как бы тебе это сказать, ну, словом, ты не боишься забеременеть? Ты принимаешь противозачаточные пилюли?

Она покраснела.

— У меня аллергия на некоторые лекарства, в том числе и на пилюли. Кроме того.., у меня не было необходимости принимать их, я же говорила, что давно одна.

Пьеру было приятно слышать это, но у них нет будущего, он уверен. Возможно, ему захочется еще раз увидеться с ней, но не в ближайшие полгода. Во-первых, он уедет в длительную командировку, а во-вторых, у нее проблемы с бабушкой, она будет занята. И потом.., он не хочет никаких детей, хватит с него Лоуренса!

— Что ж, если случится худшее, ты можешь не беспокоиться, материально я буду тебя поддерживать, но встречаться нам вряд ли удастся. — Пьер вздохнул, решив, что, как бы ему ни

хотелось увидеться с Эммой, по возвращении в Лондон им придется расстаться. Но это послезавтра, а впереди у него еще два дня любви.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Эмма почувствовала себя оскорбленной. Не веря своим ушам, она смотрела на Пьера, который еще пять минут назад пожирал ее глазами, а сейчас бросает ей в лицо такие безжалостные слова. Значит, он ясно дает понять, что их отношения — не более чем легкий флирт, что ему никто не нужен, а тем более ребенок. Он будет поддерживать ее материально.., на худой конец. Она сжалась от боли и унижения.

— Эмма, надо смотреть на вещи реально. Ты сама говоришь, что у тебя проблемы с бабушкой, зачем тебе еще и проблемы с ребенком? Ведь ребенок потребует от тебя полной отдачи.., ну, подумай сама! — Несмотря на то, что Пьер старался говорить мягко, Эмма слышала в его голосе отчуждение.

Мысли ее заметались: что делать? Уйти сразу? Но это и невежливо, и слишком демонстративно.

— Пьер, ты говоришь о проблемах, но какое тебе дело до моих проблем? Пусть они останутся со мной.

— Эмма, но ребенок поставит крест на твоей жизни, да и твоя мечта об учебе не сможет осуществиться. Ты же ничего не видела в жизни.

— Значит, Лоуренс погубил твою жизнь? Поэтому: ты не хочешь ему помогать и злишься на него? — бросила Эмма и тут же пожалела: на его лице отразилось страдание, он сжал зубы и закрыл глаза. Но уже через мгновение он взял себя в руки и сказал:

— Разве я говорил когда-нибудь о том, что не хотел быть отцом? Я всю жизнь работал для того, чтобы ему было хорошо. Теперь я даже жалею о том, что слишком баловал его, даже Наоми упрекала меня за это, а уж она сама не меньше тряслась над ним. И вот результат.., но теперь поздно что-либо переделывать.

Эмма чувствовала, что Пьер искренне сожалеет, что плохо воспитал сына, и теперь пожинает плоды, но это его проблемы! А вот ее он обидел своими бездушными словами. Она представила, как будет расти без отца ее малыш. Ей было девять лет, когда отец ушел из семьи, и более несчастного ребенка, чем она, не существовало на свете! Она проглотила комок в горле и, с трудом сдерживая слезы, проговорила:

— Тебя можно понять, но ко мне это не имеет никакого отношения. У нас с тобой разные взгляды на жизнь, да и сама жизнь разная. — Она посмотрела на него и едва не закричала: зачем ты меня мучаешь?

Пьер не торопясь потягивал минеральную воду, глядя куда-то вдаль, а она вдруг опять почувствовала, какая огромная пропасть зияет между ними. Неужели это она пару часов назад лежала в его объятиях и наслаждалась страстными ласками? Но еще более ужасно то, что за маской обаятельного и нежного мужчины, которого она приняла за волшебника, таился совсем другой человек — бессердечный эгоист! Эмма хотела сказать ему, что у нее есть друзья, которые не оставят ее в беде, но раздумала: у него изначально был к ней вполне определенный интерес. А разве он обещал ей что-либо другое? Париж и постель. Хм, но ведь она тоже хотела того же. Чего же ей надо? Париж — изумительный город, а в постели она впервые почувствовала себя женщиной. Впереди еще два дня, так чего же ей надо?

— Эмма, ты серьезно так думаешь? — Пьер вдруг почувствовал какой-то холодок, идущий от нее.

— Я думаю, ты совершенно прав. Но разве тебе интересно, что я чувствую? — Она сжала под столом руки, стараясь унять дрожь. — Ты хотел приятно провести выходные, и ты это получил.

Его голубые глаза потемнели от гнева.

— Не смей так говорить!

— Ну разумеется, ты не любишь, когда тебе говорят правду, тем более если ты слышишь ее от девушки, стоящей гораздо ниже тебя на социальной лестнице. Тебе бы хотелось продолжать легкий, ни к чему не обязывающий флирт...

— Вот как? Тогда скажи, что, по-твоему, мы должны продолжать?

Эмма не знала, куда деваться от стыда, унижения и возмущения.

— Можешь успокоиться, Пьер. Мне ничего от тебя не надо. Я отдаю себе отчет в том, что я не та женщина, с которой можно продолжать знакомство... Если честно, я вообще не понимаю, почему ты остановил на мне выбор. Видимо, захотелось чего-то необычного. Ты считаешь, что я должна быть благодарна тебе уже за то, что ты обратил на меня внимание. Разве может девочка на выходные требовать, чтобы к ней относились как к равной? И вдруг выясняется, что она умеет думать и чувствовать. Этого еще не хватало! — Эмма уже не сдерживала бушевавшие эмоции и говорила все, что ей приходило в голову.

— Эмма! Неужели ты недовольна Парижем и.., мной? Разве ты не наслаждалась моими ласками? Что-то я не слышал протестующих возгласов, когда я сжимал тебя в объятиях. Или ты скажешь сейчас, что я насильно взял тебя?

Его слова уязвили ее... Он был прав, но от этого ей не стало легче.

— Я жалею только о том, что сразу не пресекла все это... Когда ты впервые пришел в наш ресторан и заказал меня, мне надо было сразу послать тебя к черту! — Она с яростью швырнула салфетку, выскочила из-за стола и, схватив сумочку, бросилась в дамскую комнату. Пьер не успел даже рта раскрыть.

Умывшись холодной водой, Эмма слегка успокоилась, вышла в коридор и попросила одну из официанток принести ей плащ. Потом спокойно оделась и вышла в дождливую парижскую ночь, совершенно не отдавая себе отчета, что она делает, и не представляя, как поступит дальше. О том, чтобы вновь встретиться с Редфайлдом, не могло быть и речи.

Господи, ради чего она потащилась за ним в Париж? — грызла себя Эмма. Находясь в каком-то тупом оцепенении она сейчас забыла о том, зачем поехала, думая только о нанесенной ей обиде.

Эмма шла по левому берегу Сены, наслаждаясь окружающей красотой и совершенно не представляя, куда она идет... Было уже совсем темно, но она шла и шла, с каждым шагом все больше удаляясь от Пьера Редфайлда.

Пьер вначале подумал, что Эмма приведет себя в порядок и вернется. Но минуты шли за минутами, а ее не было. Убежала! Подумать только, кто бы мог ожидать такой гордыни от этой официантки?! Злясь и проклиная ее и себя в первую очередь, он позвонил в отель, но ее там не

оказалось. Тогда он отправился искать ее. Разумеется, найти ее было нереально, слишком много народа гуляло на улицах, но он шел и шел вперед, вертя головой по сторонам. Почему она так взбеленилась, он не мог понять. Зачем ей эта беременность? Ничего не видела, ничего не знает. Такой алмаз — и официантка. Учиться ей надо, а не возиться с пеленками. Может, ее оскорбило его предложение о материальной помощи? И здесь нет ничего плохого, другая бы уцепилась руками и ногами. Она не подумала о том, что их ребенок будет жить в нищете, а он подумал! Ну и темперамент!

Пробродив около двух часов, он решил вернуться в отель, тем более что дождь разошелся не на шутку. Прежде чем подняться в номер, он заскочил в бар и заказал бренди. То ли под воздействием коньяка, то ли успокоившись, он постепенно пришел к мысли, что вел себя бестактно. Эмма — скромная молодая девушка, у нее полно забот, материально она не обеспечена, но разве она жаловалась ему? У нее, безусловно, очень развито чувство собственного достоинства. Пьер подумал, что, возможно, это и хорошо, многим мужчинам нравятся такие женщины, и он не исключение. Да, он хотел ее, преследовал и добился своего, но о совместном будущем не может быть и речи! И еще.., он одержал верх над сыном, это было слаще всего.

Прихлебывая бренди, он мечтал только об одном: она, нагулявшись и остыв, возвращается в их номер, а там.., там видно будет, он извинится, и они придут к удобному для обоих соглашению. Эмма должна понять, что, в конце концов, он не принадлежит себе, ему предстоит длительная командировка, месяца на три-четыре... Чья-то рука дотронулась до его плеча, Пьер даже подпрыгнул от неожиданности: метрдотель извинился и сказал, что миссис Робартс просила передать, что заночует у подруги и вернется утром.

Пьер с облегчением вздохнул: слава богу, с ней ничего не случилось, но он ожидал другого... Она вернется утром... Нет, он не может ждать до утра, он жаждет держать ее в руках и осыпать поцелуями... Он был не прав.., она должна вернуться. Вот дурак, не спросил у нее телефон подруги... Он горестно вздохнул и заказал еще порцию бренди.

Между тем Эмма гуляла по вечернему Парижу, не решаясь принять какое-либо решение. Зашла в еще раз в собор Парижской Богоматери, горячо помолилась за себя и бабушку. Ей стало легче, и она даже снизошла до критики в собственный адрес: так вести себя не следовало. Потом отправилась к Флер и все ей рассказала. Конечно, она ему не нужна, но не думать о нем как о мужчине Эмма не могла. К ее удивлению, Флер не согласилась с ее выводами.

— Ты очень красивая девушка, почему он не может в тебя влюбиться? Он может еще раз пригласить тебя в Париж или еще куда-нибудь, что в этом плохого? Почему надо сразу же думать о том, чем кончится эта мимолетная связь? Пользуйся тем, что судьба посылает тебе сегодня.

..Да, Флер права. Глупая ты овца, Эмма Робартс, если думаешь с одного-двух свиданий покорить такого мужчину. Надо позвонить и передать, что она у Флер. Пьер наверняка волнуется.

— Ты завтракала? — Пьер страшно обрадовался, увидев Эмму.

— Я пила кофе с круассаном у Флер. — Эмма боялась смотреть ему в лицо.

— Я.., я огорчен и очень волновался, когда ты убежала от меня, нельзя же так! И в Париже можно нарваться на неприятность любого рода.

Огорчен, волновался и.., все? Она насмешливо фыркнула.

— Что ж, я прошу у вас прощения за то, что доставила такие неудобства.., но мне не очень верится в это. Я скорее поверю в другое — ты будешь огорчен, если я забеременею. Но если это уже случилось, поверь, мне не нужна помощь. Дыши легко, у меня нет к тебе ни претензий, ни обиды, больше ты не увидишь меня, — с этими словами она прошла в спальню, чтобы собрать вещи.

Но Пьер внезапно схватил ее за руку и повернул к себе лицом. Его глаза потемнели от гнева. И еще — от острого желания, так она была сейчас хороша...

— Не увижу? Почему ты так уверена в этом? требовательно спросил он.

Она смотрела на его губы и мечтала только об одном: еще раз ощутить их вкус, но сказала совсем другое:

— У тебя нет сердца, Пьер! Ты думаешь, что можешь получить за деньги все, что захочешь? — Она вывернулась из его объятий и хотела отойти, но он снова схватил ее и так крепко прижал к груди, что Эмма не могла даже пошевелиться. Но ей вдруг почему-то расхотелось вырываться, наоборот, ее тело подалось ему навстречу, чтобы покориться этой мужской безжалостной и требовательной силе... Пусть он возьмет ее сейчас же, она больше не в силах терпеть эту сладкую муку.

— И ты будешь утверждать, что не хочешь меня? Ненавидишь? — Он наклонился к ее вспыхнувшему лицу и нежно поцеловал ее в нижнюю, чуть приоткрытую губу.

— Я? Да, я хочу тебя.., но у меня к тебе чувство, а у тебя.., только физический голод, у тебя даже нет уважения ко мне.

— Черт возьми! Почему ты думаешь, что я не уважаю тебя?! — взорвался Пьер. Ему хотелось ударить ее, а лучше — повернуться и уйти, но ни того, ни другого он не мог сделать, она возбуждала в нем такие чувства, от которых ему хотелось убежать. Он не собирался усложнять свое будущее, хватит с него одного брака! Да, он очень страдал первые два года после нелепой гибели Наоми в автокатастрофе, но постепенно успокоился и почувствовал облегчение, хотя никому об этом не говорил. Потом, вспоминая скандалы, которые она устраивала по поводу их бедственного материального положения, упреки в супружеской неверности, он говорил себе, что вопрос брака для него закрыт навсегда. Теперь-то он понимал, что они были слишком молоды и инфантильны, но тогда все виделось по-другому.

Эмма присела на край кровати, а он отошел к окну и стал смотреть во дворик, где иногда отдыхали постояльцы отеля: там, между маленькими клумбами, стояли столики и можно было выпить чашку кофе и съесть мороженое. Ему вдруг страстно захотелось спуститься туда вместе с Эммой и посидеть под каштаном, просто посидеть и помолчать.

— Эмма, тебе трудно в это поверить, но я не принадлежу себе. Ты не совсем правильно поняла мои слова о том, что мы не будем видеться в Лондоне. Я очень занят, но всегда найду время, чтобы встретиться с тобой, мы будем друзьями, обещаю тебе, — он говорил очень ласково, но старался не смотреть ей в глаза.

— Друзьями? Как ты себе это представляешь? Пьер не знал, как. Он лукавил с собой и с ней. Обладая божественным телом этой девушки, он даже мысли не допускал о «чистой» дружбе с ней. Но как это все объяснить ей?

— Когда мы вернемся в Лондон, я сразу же должен буду лететь в Юго-Восточную Азию и в ряд других регионов, это займет месяца три-четыре, поэтому что-то конкретное обещать я тебе не могу. Ну, а потом будет видно.

У Эммы оборвалось сердце. Ей стало ясно, что он нашел прекрасный повод, чтобы расстаться достойно. С друзьями так не поступают, горько подумала она., — Я поняла, — она так сжала пальцы, что они хрустнули.

— Вот и хорошо. Но мы же собирались осмотреть достопримечательности Парижа? — Пьер решил доставить ей удовольствие и загладить свою вину, но на сердце у него было беспокойно.

— Достопримечательности?

— Ну да! Лувр, собор Парижской Богоматери, куда хочешь.

Эмма, разумеется, не могла отказаться, но в душе ей хотелось другого: возможно, они больше не увидятся, так хотя бы еще раз испытать его ласки., но он, видимо, уже не хотел ее.

— С тобой куда угодно.

— Тогда надень что-нибудь удобное и в путь! Эмма пошла переодеваться.

— Майлз отвезет тебя домой, дорогая, — сказал Пьер, когда они приземлились в Хитроу.

— А как же ты? — Эмма грустно посмотрела на него. Она с тоской подумала, что их последний день в Париже пролетел гораздо быстрее, чем два предыдущие.

— У меня здесь, в отеле, встреча с коллегами по бизнесу. Майлз отвезет тебя, а потом вернется за мной. — Пьер неожиданно для себя тоже вдруг затосковал. Он подошел к ней и погладил ее по щеке. Огромные карие глаза вопросительно смотрели на него. Но чем он мог ответить ей? Все идет так, как он решил, но., не поспешил ли он? Порвать с ней он всегда успеет, если он встретиться с ней еще раз., даже два, ничего страшного не произойдет.

Конечно, эта очаровательная девушка создана отнюдь не для «чистой дружбы», но жениться он не собирается.

— Обещай мне, Эмма, позвонить, если что-нибудь случится. Фиона все мне передаст. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Эмма отошла от него на шаг и передернула плечами: она-то все поняла, а вот он не понял, что она ни за что не попросит у него помощи! Но вслух произнесла:

— Посмотрим. У меня к тебе только одна просьба, — бросила она на него косой взгляд.

— Только одна? — улыбнулся Пьер, желая обратить все в шутку.

Но Эмма шутку не приняла. Она спокойно посмотрела на него и сказала:

— Подружись с Лоуренсом. Он нуждается в твоём внимании больше, чем ты думаешь. И тебе не повредит общение с ним.

Пьер растерянно пожал плечами, посмотрел на часы и ответил:

— Эмма, обещаю выполнить твою просьбу, а сейчас извини, мне пора. — Он хотел поцеловать

ее, но в последний момент передумал: поцелуй может лишить его с трудом обретенного спокойствия.

— Тогда прощай. — Она подняла свой чемодан и заставила себя улыбнуться. — Еще раз благодарю за прекрасную поездку. Я навсегда запомню это время.

Пьер смотрел ей вслед и не испытывал ожидаемого облегчения. Наоборот, ему стало как-то одиноко и грустно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Эмма сидела на скамейке в сквере позади госпиталя, где лежала ее бабушка, и угрюмо смотрела перед собой. Сколько неприятностей за короткий срок, и самая главная — бабушка находилась в очень тяжелом положении. Сейчас девушка хотела только одного: чтобы бабушка как можно скорее выздоровела, все остальное казалось пустяком, даже Пьер отодвинулся куда-то в сторону.

Лиз, которая приехала вместе с ней, пошла узнать, где можно выпить кофе, — обе уже были без сил. Эмма ждала ее, время от времени нервно одергивая свою узкую юбку. Наконец Лиз появилась с двумя пластиковыми стаканчиками в руках.

— Пей, сахар я положила. — Лиз присела рядом с подругой.

— Спасибо, дорогая, — Эмма отхлебнула кофе и поставила стаканчик на столик, стоящий около скамьи.

— Не узнавала, есть новости? — Лиз озабоченно посмотрела на дверь госпиталя.

— Пока никаких.

— Элен сильная, думаю, все будет хорошо, она выдержит операцию, а потом ты будешь ухаживать за ней, — Лиз старалась успокоить девушку.

— Я себя ругаю за то, что оставила ее одну, — с тяжелым вздохом проговорила Эмма.

— Успокойся, ради бога! Ты ни в чем не виновата перед бабушкой, такую внучку надо еще поискать, пять лет ухаживаешь за ней.

Эмма заплакала. Господи, только бы бабушка перенесла операцию, а уж она-то обеспечит ей самый квалифицированный уход.

— Лиз, я хочу убраться в доме у бабушки, пока она в госпитале, и сделать хотя бы косметический ремонт, — начала Эмма, но тут обе увидели, что дверь госпиталя открылась и к ним направляется хирург, мистер Лао. У него было такое озабоченное лицо, что у Эммы сжалось сердце от дурного предчувствия.

— Я очень огорчен, мисс Робартс, но.., ваша бабушка скончалась, нам не удалось ее спасти, болезнь была слишком запущена.

Эмма едва слышала его слова, так у нее зазвенело в ушах. Она что-то отвечала ему, потом присела на скамью, дрожащими руками взяла стаканчик с кофе и отпила.

— Сейчас придет медсестра, она расскажет, что вам надо сделать, — сказал хирург. Эмма рассеянно кивнула.

— Я останусь с ней, — обратилась Лиз к хирургу, — вряд ли мисс Робартс в состоянии сейчас что-то делать.

— Спасибо, Лиз. В глубине души я знала, что это должно было случиться.., но не сейчас. Но, значит, так Богу было угодно, — рыдая, проговорила Эмма. — Теперь я осталась одна на свете, и мне надо быть очень сильной, чтобы жить дальше.

— Девочка моя, мне очень жаль твою бабушку, но от судьбы не уйдешь. Поплачь, не держи в себе эту боль. — Лиз обняла Эмму за плечи и стала гладить ее по спине. — Но твои слова о том, что ты одна, обижают меня и Адама. У тебя есть преданные друзья, которые тебя любят и никогда не бросят, — это мы, я и Адам. Да и Флер, хотя она и далеко, тоже любит тебя не меньше нас. Запомни это!

— Эмма, я приглашаю тебя пообедать. Посмотри на себя.., ты превратилась в тень. Я не могу видеть, как ты мучаешься, — голос Лоуренса звучал ласково, но повелительно. Она уловила в его тембре что-то отцовское, и ей стало еще хуже: если бы рядом был Пьер! Она снова изучающе взглянула на Лоуренса. Он и внешне очень похож на отца, особенно когда сердится.

— Я благодарю тебя за заботу, но у меня полно дел, — безучастно ответила она.

— Какие у тебя могут быть сейчас дела? Что ты ела сегодня? — Лоуренс осмотрелся и вздохнул: комната выглядела запущенной: грязные чашки, груда одежды на кресле, пыль... Как это непохоже на Эмму!

— Немного попкорна, тост с сыром, кофе.., по-моему, и этого слишком много. — Эмма взяла блузку и стала рассматривать ее.

— Оставь это унылое одеяние! — резко сказал Лоуренс. — Ты не старуха. — Он выхватил блузку и швырнул ее обратно на кресло. — Ты должна поесть, иначе испортишь желудок, зачем тебе это?

Действительно, зачем, подумала Эмма. Он прав, но она больше не может быть сильной, слишком уж сурово обошлась с ней жизнь. Разрыв с Пьером, смерть бабушки.., не хватает еще, чтобы она заболела. Идти к Лоуренсу ей не хотелось, но выхода не было.

— Ну, а теперь рассказывай, что ты видела в Париже, — попросил он, когда они уселись за стол, на котором стояло несколько плошек с китайской едой.

— Откуда ты знаешь, что я была в Париже? — Эмма чуть не поперхнулась.

— Отец сказал. Да не волнуйся ты, все нормально. Он мастер по дамской части, но меня отец зарезал без ножа.

Такое спокойное отношение Лоуренса к ее поездке в Париж показалось Эмме немного наигранным, но какое он имел право обижаться на отца и Эмму? Да, с ним, молодым и сильным, Эмма не захотела встречаться, а за стариком помчалась.., видимо, Лоуренс так подумал, но Пьер отнюдь не старик...

— Все было замечательно, — сказала она. — Но что означает твоя фраза: зарезал без ножа? Лоуренс нахмурился.

— Не обижайся, но он нарочно стал ухаживать за тобой.., чтобы насолить мне, зная, что я тебя люблю.

Этого еще не хватало! У Эммы перехватило дыхание от этого признания.

— Что ты сказал? Твой отец специально пригласил меня в Париж, чтобы досадить тебе?

— Эмма, ангел мой, ну, подумай сама: с чего бы мой отец вдруг стал проявлять к тебе интерес? Ты очень красивая девушка, я бы сказал, необычная. Отец не мог отказать себе в удовольствии приударить за тобой, но.., он всегда имел дело только с моделями, актрисами и светскими дамами. Если честно, не помню, чтобы он когда-нибудь встречался с простыми девушками.

Эмму передернуло от унижения. Лучше бы он ударил ее!

— Лоуренс, я никогда не думала, что ты можешь быть таким бестактным! — Она вскочила из-за стола. Ей хотелось съездить ему по физиономии, так похожей на отцовскую.

— Эмма, ты не права. Я страшно разозлился, когда отец рассказал мне о вашей поездке. — Он смотрел на нее так жалобно, что она даже пожалела его.

— И ты полагаешь, что злость и ревность оправдывают твою бестактность? Ты унизил меня.., хотя кто я в самом деле? Официантка, простая девушка, находка для вас обоих, — ее голос задрожал.

— Дорогая!

— Не смей называть меня так! Ты такой же, как и твой отец, — эгоист и самодовольный тип. Видеть и слышать тебя больше не желаю!

— Да, я эгоист, потому что... А зачем ты спала с ним, зная, что я тебя люблю?! Ты ни разу не позволила мне поцеловать тебя, я имею в виду, как мужчина женщину, ты всегда дразнила меня.., да, да! — Лоуренс осуждающе посмотрел на нее.

Эмма так растерялась, что не нашлась что сказать.

— Ну знаешь, — она потрясла головой. — Если ты так любишь меня, то что означает твой гарем? Ты же меняешь девушек каждую неделю! И после всего этого еще хочешь целовать меня?

— Не притворяйся, Эмма! Ты прекрасно знаешь, почему я так веду себя: мне нужна физическая любовь, а ты всегда отказывала мне.

— Лоуренс, ты действительно избалован, отец прав. Ты требуешь от меня физической любви. Но ты не подумал, а хочу ли я этого?

— Бог мой, Эмма! Разве я принуждал тебя к чему-нибудь такому? А что касается отца, я понимаю тебя. Мой отец выбирает самых лучших, самых красивых женщин с тех пор, как я себя помню. Моя мать сходила с ума от ревности, но сделать ничего не могла. И ты...

— Значит, я очередная засечка на памятном дереве? — Эмма не дала ему закончить фразу. — Разумеется, с моей ступеньки социальной лестницы не поднимаются туда, где царят модели, актрисы и светские львицы, вам с отцом бояться нечего, передай ему это. — Эмма вдруг почувствовала, что она страшно устала от этих откровений и разговоров. Сейчас бы лечь и заснуть, надо набраться сил и жить дальше. Она направилась к двери, но Лоуренс вдруг схватил ее за плечи и прижал к себе.

— Эмма, ты заслуживаешь лучшего. Он испортит тебе жизнь, как и моей маме, — он взволнованно смотрел на нее.

— Пусти! — Эмма попыталась вырваться, но Лоуренс крепко держал ее.

— Поедем со мной в Корнуолл. Что тебя держит здесь? Раньше у тебя была бабушка, но сейчас ты свободна! Найдешь себе там работу, будешь моей музой.., ты же всегда вдохновляла меня... Я буду лепить и рисовать тебя... — Он еще сильнее прижал ее к себе.

— С тобой.., в Корнуолл? А где же твоя девушка?

— Какая девушка? Ты о чем, Эмма? — Лоуренс сделал удивленное лицо.

— Да, девушка тут ни при чем, но, Лоуренс, неужели ты думаешь, что я поеду с тобой после того, что ты наговорил мне сегодня? Я...

Но договорить она не успела; Лоуренс прервал ее слова поцелуем, вложив в него такую страсть, что Эмма даже не успела оттолкнуть его. Они не услышали легкого стука, как и того, что дверь открылась.

— Извините, но я стучал.., не помешал?

— Пьер?!

— Спасибо, что вспомнили мое имя.., после столь пылкого поцелуя, — саркастично ответил Пьер.

Эмма вырвалась из объятий Лоуренса и отошла к окну. Господи, что он подумает?! Пьер невозмутимо и иронично смотрел на парочку.

— Я.., я думала.., вы говорили, что вернетесь через три-четыре месяца, — выдавила она наконец, заискивающе глядя на него.

Пьер усмехнулся, он не мог разобраться, кто его больше бесил — сын или Эмма?

— Ну а пока можно флиртовать с Лоуренсом? — Он вложил столько горечи и яда в эту фразу, что девушка зажмурилась. — И таким образом заполучить его?

Пьер не хотел ранить Эмму такими словами, но когда увидел ее в объятиях своего ничтожного сына, ему показалось, что его ударили ножом прямо в сердце. Дрянь!

— Заполучить? Я? Мистер Редфайлд, ваш сын очень убедительно рассказывал мне, какая пропасть лежит между нами.

Но тут заговорил Лоуренс:

— Отец, где ты был, когда Эмма нуждалась в помощи? У нее умерла бабушка, в квартире надо делать ремонт, и она едва держится на ногах... Да, я хочу, чтобы она поехала со мной в Корнуолл.

— Нет! — перебила его Эмма. — Я тебе сказала, что не поеду! — Она уже пришла в себя и злилась, что оказалась в центре психологической войны между отцом и сыном.

— Но поцелуй, свидетелем которого я стал, говорит о другом, или я не прав? — Пьер

повернулся к Эмме, до этого он старался не смотреть на нее.

Последнее время Пьер думал об этой девушке постоянно, днем и ночью, особенно ночью. Воспоминания о ее губах и роскошном теле сводили его с ума, не давали уснуть.

— Отец, между нами ничего нет, — Лоуренс жалобно смотрел на отца. — Когда я узнал, что вы с Эммой в Париже, я страшно расстроился... Но когда увидел, какой взгляд она бросила на тебя..., словом, я отступаю, мне не по силам соревноваться с тобой, но я презираю тебя и себя.

— С каких это пор ты хочешь чего-то другого, кроме денег? — ядовито спросил Пьер. Он холодно смотрел на сына, явно издеваясь над ним.

Эмма смотрела на обоих мужчин и не могла понять их, но за всем этим стояло что-то такое, чему она не могла дать объяснения. Наконец она решилась.

— Лоуренс, ты знал, что отец придет к тебе сегодня? Почему же ты тогда ничего мне не сказал..., как это понимать? Ты затянул меня в какую-то гнусную игру, причем уже второй раз.

— Эмма, я не хотел обидеть тебя, вспомни, как мы с тобой дружно жили раньше, как помогали друг другу! — Лоуренс старался изо всех сил загладить свою вину.

— Нет, Лоуренс, помогала я тебе, а ты только пользовался мной, когда тебе было что-то нужно. — Эмма направилась к двери, старательно обходя Пьера, чтобы не коснуться его.

— Не уходи, у нас с тобой еще не закончен разговор, — обратился к ней Пьер, но Эмма выскочила за дверь и прижалась к ней там, в коридоре, слушая, как два мужских голоса на повышенных тонах продолжают перебранку. Потом не торопясь отправилась к себе.

Она прошлась по своей запущенной квартире, не зная, чем занять себя. Включила приемник и нервно сглотнула: шла любимая передача бабушки. Ей вдруг захотелось исчезнуть, чтобы никого не видеть, забыть прошлое. Огляделась по сторонам: какая неуютная, грязная квартира! Эти серые стены хоть на кого нагонят тоску...

Короткий стук в дверь оторвал ее от грустных мыслей: Пьер! Притвориться, что не слышит, уснула? Нет, от Пьера не спрячешься. Пригладив волосы, она пошла открывать дверь. И вдруг до нее дошло: Пьер сейчас войдет в ее квартиру. У нее пересохло во рту и взмокли ладони... Господи, как же у нее неприглядно, надо было прибраться!

— Эмма, ты плохо выглядишь, — начал сразу же Пьер.

Хорошее начало, подумала она.

— Спасибо за комплимент.

— Это вполне естественно, смерть бабушки не прошла даром для тебя. Собирайся. Я помогу тебе собрать вещи.

— Вещи? Я никуда не собираюсь.

— Неужели ты думаешь, что я оставлю тебя в этой сырой норе? — решительно сказал Пьер. — Ты поедешь со мной, и не вздумай отпираться. Я все уже решил.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Эмма не знала, что и подумать. Он решил? Почти машинально она отвернулась от него, пошла на кухню, открыла холодильник, достала пакет молока, вылила в кастрюлю.

— Что ты делаешь? — раздался сзади голос Пьера.

— Хочу сварить шоколад, ты любишь шоколад?

— Разве ты не слышала: надо укладывать вещи, мы уезжаем.

— Мистер Редфайлд, приказывать вы можете своим подчиненным, но не мне. Я никуда не поеду и вполне могу позаботиться о себе сама. Возможно, в ваших глазах я выгляжу простофилей, но для меня это не имеет значения. Знаете, Пьер, я даже не подозревала, что стану пешкой в вашей циничной игре с сыном. Думаю, вам лучше покинуть мое скромное жилище, или, как вы выразились, сырую нору, а то еще простудитесь. Я хочу остаться одна и поскорее забыть о вашей семье.

Пьер не ожидал такого отпора.

— Твой выпад мне следует рассматривать как победу Лоуренса?

— Оставьте, не вам упрекать меня, очередную игрушку в вашем любовном списке. Разумеется, Париж — это изумительная приманка для таких дурочек, как я. Спасибо Лоуренсу, он открыл мне глаза. — Эмма так яростно мешала в кастрюле, что молоко выплескивалось на плиту.

Пьер передернул плечами от негодования: ну и дрянь его сынок. Он случайно узнал о путешествии в Париж, узнал от Фионы, когда позвонил в офис, чтобы договориться с отцом о встрече. Фиона сказала Лоуренсу, что отец на выходные уехал в Париж, она сама заказывала билеты на него и Эмму Робартс. Конечно, Фиона не имела права выбалтывать все это, и она будет наказана. Так он думал, наблюдая за разбушевавшейся Эммой.

— Эмма, я никогда, слышишь, никогда в жизни не рассказывал ему о своих женщинах, это все его домыслы, — он виновато и просяще смотрел на нее.

— Мне теперь все равно, — она равнодушно отвернулась от него.

— Эмма, ты извини, но я не знал, что бабушка умерла. Я очень сочувствую тебе. И еще..., извини за то, что Лоуренс устроил этот дешевый номер.

— Но неужели вы так и не договорились с ним, я имею в виду о вашей помощи?

— У нас был долгий разговор, но мы все-таки пришли к соглашению, которое устроило нас обоих..., мне бы не хотелось забежать вперед, но я обещал ему свою поддержку. Хотя..., после всего, что он сделал сегодня, мне он противен... Эмма, прошу тебя, забудь все происшедшее как дурной сон.

Эмма стояла потупившись и молчала. Что делать? — в смятении думала она. Конечно, ей было больно, что Лоуренс так поступил, он окончательно дискредитировал себя в ее глазах.

— Не знаю, что и сказать. Лоуренс дважды виноват передо мной, но это касается лично меня. Не будем больше говорить о нем.

— Но вы столько времени провели вместе..., к тому же, он очень интересный молодой человек. Я удивлен, что ты не заинтересовалась им как мужчиной. Полагаю, немного нашлось бы

девушек, которые отказались бы целоваться с ним.

Эмма удивленно посмотрела на Пьера. Он прислонился к косяку двери, скрестив на груди руки, и лукаво — или ей это показалось? — смотрел на нее.

— Да, Лоуренс очень интересный молодой человек, но он слишком молод для меня, я чувствую себя рядом с ним не женщиной, а, скорее, матерью или старшей сестрой. Как говорила моя бабушка, красота есть только красота. Мне этого мало. — Эмма вздохнула и подумала, что сынок и в подметки не годится отцу, она это определила даже по поцелую.

Пьер сосредоточенно смотрел куда-то в сторону, и Эмма вдруг подумала: неужели Пьер ревнив?

— Пьер, я предлагаю забыть все, что произошло. Вы согласны? Он кивнул.

— Знаете, я давно уже привыкла к тому, что у меня нет близких мужчин — отца, брата, ну и так далее. Отец ушел из семьи, когда мне было девять лет... И с тех пор я о нем ничего не знаю.

— И тебя никогда не интересовало, где он, ты не хотела узнать это? — удивленно спросил Пьер.

— Пожалуй, нет. Насколько я знаю, он живет в Австралии, так по крайней мере говорила бабушка, которой он время от времени писал. Но он тоже не хотел ничего знать обо мне, я даже не могла сообщить ему, что умерла его мать, моя бабушка.

Пьер очень внимательно слушал Эмму, но это не мешало ему любоваться девушкой. Сейчас ее каштановые, с рыжеватым отливом волосы слегка растрепались и пышной гривой лежали на плечах, она раздумянулась от возбуждения и жара плиты, темно-зеленый свитер обрисовывал высокую грудь. Богиня! Он не жалел теперь, что отказался от командировки, тому были разные причины, одна из которых — смерть бабушки Эммы, о чем ему рассказал Лоуренс. Он заявил тогда сыну, что зайдет к нему поговорить.., но на самом деле ему хотелось увидеть Эмму и выразить ей соболезнование. Он понимал, что сейчас ей очень тяжело, и решил не оставлять ее одну, тем более после того, как увидел эту маленькую квартирку с ободранными стенами.

Эмма сняла с плиты кастрюльку с шоколадом и поставила на стол, но все это молча, как будто его не было здесь. Пьер понимал, что ее отчуждение вызвано не столько поведением Лоуренеа, сколько его прямолинейным высказыванием по поводу ее возможной беременности.

— Я могу рассчитывать на порцию шоколада? Уж очень он вкусно пахнет, — попытался Пьер шуткой снять напряжение. — Ты хорошо сделала, что приготовила этот божественный напиток, нам не помешает подкрепиться перед дорогой. Кстати, где у тебя бумага, я хочу записать телефон и фамилию твоей хозяйки.

Эмма равнодушно посмотрела на него, обвела взглядом комнату.

— Я уже сказала, что никуда не поеду, меня вполне устраивает мое жилье. Хозяйка здесь ни при чем. — Она, конечно, понимала, что Пьер прав, что она платит слишком много за это сырое унылое помещение, но его это не касается.

Каждый из них сейчас чувствовал, что происходит нечто очень важное, но ни один не хотел складывать оружие. Пьер считал, что его приход к ней уже сам по себе поступок, а Эмму

раздражала его уверенность, что она должна поступать именно так, как он считает нужным.

— Пьер, — начала она, — вы же сказали, что мы не будем встречаться, вы не принадлежите себе, очень заняты, у вас много светских обязанностей, ну и прочее. Как же прикажете мне понимать столь резко изменившееся поведение? — Она демонстративно отвернулась от него и стала разливать по чашкам шоколад.

— Я хочу, чтобы мать моего будущего ребенка жила в нормальных условиях, не говоря уже о том, чтобы она нормально питалась!

Эмма даже рот открыла от удивления: мать его будущего ребенка! Она и забыла про свою возможную беременность.

— Пьер! Не вы ли совсем недавно, в Париже, убеждали меня, что беременность — это конец моей нормальной жизни? Что я еще ничего не видела, мне надо учиться, что вам хватит и Лоуренса? Почему вы вдруг теперь заговорили о моем питании и условиях жизни?

— Потому что ты именно сейчас нуждаешься в заботе. Забудь все, что я тебе тогда наговорил, он подошел к ней почти вплотную, горя желанием заключить ее в объятия.

— Но я совершенно здорова!

— Бог мой, женщина! Зачем ты споришь со мной? Зачем ты отказываешься от того, что идет тебе в руки? Ты хочешь поссориться со мной?

Эмма вовсе не собиралась ссориться с ним, наоборот, ей безумно хотелось, чтобы он обнял и прижал так, как тогда.., в Париже, но у нее не хватало смелости проявить инициативу.

— Нет, ни ссориться, ни спорить с тобой я не хочу, — прошептала она, сдаваясь.

Пьер улыбнулся, и в уголках его губ появились ямочки, которые она почему-то раньше не заметила. Подумать только, у Пьера Редфайлда ямочки!

— Вот и славно. Давай-ка выпьем по чашечке шоколада и начнем собираться. Нет, лучше так: ты иди собирайся, а я здесь приберусь.

Эмма прямо обомлела: он предлагает убраться на ее кухне!

— Я сама уберусь, не надо... — и тут же осеклась: Пьер метнул на нее такой свирепый взгляд, что она мгновенно прекратила пререкания и выскользнула из кухни.

Эмма полудремала, свернувшись клубком в одном из роскошных кожаных кресел, стоящих в гостиной около горящего камина. Мысли ее вертелись вокруг одного и того же: как долго она здесь проживет и как ей вести себя с Пьером?

Ей казалось, что она попала в рай, такой роскоши она не видела даже в кино. Особенно ее поразила кухня, оборудованная по последнему слову современного дизайна. Эмма чувствовала себя Алисой, попавшей в Страну чудес. И все же, подумала она, как может человек жить здесь один, даже среди такой роскоши?

В камине громко затрещали дрова, и Эмма открыла глаза. Слава богу, голова не болит, последние два дня она с трудом притворялась здоровой, не желая давать Пьеру повод для беспокойства. Он и так окружил ее такой заботой и вниманием, что она всякий раз смущалась.

— Ну, как дела? Скажи, что тебе хочется, и я все сделаю, — раздался неожиданно голос Пьера.

Эмма оглянулась и обомлела: Пьер нес поднос, на котором лежали всякие вкусности и дымились чашки с чем-то ароматным. Он подошел к ней, поставил поднос и сел на стоящее рядом кресло. Ей стало неудобно за свою позу, и она хотела спустить ноги на пол, но Пьер улыбнулся и попросил:

— Лежи как тебе удобно, что вдруг за церемонии?

Ее сонливость как рукой сняло. Она с удовольствием подумала, что Пьер дома совсем другой, простой и дружелюбный.

— О да, мне так очень удобно и уютно, но.., нельзя привыкать к такой красивой жизни.

— Всегда надо думать о хорошем, никто из нас не знает, что его ожидает в будущем. — Он встал, подошел к камину и стал задумчиво смотреть на огонь. Потом повернулся и улыбнулся Эмме, которая в это время потянулась за бисквитом. Она была сейчас такая очаровательная, такая домашняя и от этого, казалось, такая доступная, что Пьер готов был тут же броситься к ней и, схватив в охапку, отнести в спальню или даже прямо здесь, на ковре, заняться с ней любовью. И еще одна неожиданная для него самая мысль вдруг появилась в мозгу: он совсем не против, чтобы она всегда сидела в этом кресле.

— Ну, до завтра я отсюда точно не уйду, а вот послезавтра... — Эмма потерла виски: боль чуть отступила, но временами давала о себе знать пульсирующими толчками.

— Ну, это мы еще посмотрим. До тех пор, пока твоя квартира не будет отремонтирована, ты не уйдешь. К тому же тебе надо прийти в себя, а письма с благодарностью за помощь и соболезнование можно написать и отправить и отсюда, решительно заявил Пьер.

— Но зачем тебе все это? Я и моя квартира?

— Ты считаешь, что я не способен проявить доброту и заботу о молоденькой женщине, попавшей в тяжелую жизненную ситуацию? — Он искоса посмотрел на опешившую Эмму и прошел в кабинет, где у него находился бар с напитками. Взяв бренди, он вернулся в гостиную и снова подошел к камину.

— Нет, нет, — ей стало неудобно: она все-таки в гостях.

— Ну, на сегодня хватит пререканий. Будет по-моему. Давай-ка ешь и пей, а потом я покажу тебе твою комнату.

— Не понимаю, каким образом, тебе удалось уговорить меня, неужели ты думаешь, что я такая беспомощная? — улыбнулась Эмма.

— Так вот и удалось, дорогая, — он торжествующе подмигнул девушке.

Эмма опустила голову, но больше ничего не сказала. Скорее всего, он полагает, что она беременна, а его ребенок должен, еще не родившись, быть в привилегированных условиях. Иначе он вряд ли заметил бы сырые и грязные стены ее квартиры. Она сделала глоток, подумав, что напиток сварен прекрасно, она любила жидкий шоколад, но не любила варить его.

— Надеюсь, тебе нравится? — Он сделал глоток и лукаво посмотрел на нее. — Ну, ты совсем

спишь. Пойдем, пойдем, оставим все деловые разговоры на завтра.

— А разве ты не пойдешь завтра в офис?

— Нет. Иногда я могу позволить себе это, но у меня есть кое-какие дела в городе.

Эмма поставила чашку на столик, пригладила волосы и встала.

— Пьер, я чувствую себя очень неловко, ведь у тебя из-за меня столько хлопот.

— Ерунда! Ты будешь жить здесь столько, сколько понадобится.

— Ну, показывай мою комнату, иначе я засну прямо на полу, — Эмма шуткой попыталась скрыть свою неловкость, но Пьер взял ее за руку и повел наверх.

Эмма сидела за красивым столом из красного дерева и разбирала бумаги, принадлежавшие бабушке. Хотелось сделать побыстрее, завтра ее ждал адвокат очень известной юридической компании по поводу завещания. Бабушка всегда говорила, что Эмма получит в наследство ее дом. Дом был старый, но очень красивый, выстроенный более ста лет назад, в викторианском стиле. Ремонт требовался, по его мнению, серьезный, но дом стоил того. Замечтавшись, она не услышала, как в комнату вошел Пьер.

— Ну, как дела? Голова не болит?

От неожиданности она вздрогнула и смело посмотрела на него. Пьер, как всегда, выглядел прекрасно. И даже в бежевом свитере и синих джинсах был необычайно элегантен.

— Я выпила парацетамол. 1, думаю, немножко простудилась, — она замялась.

— Сегодня ты выглядишь гораздо лучше, видимо, не только парацетамол, но и окружающая обстановка действует на тебя благотворно, — с довольным видом изрек Пьер.

Эмма действительно выглядела посвежевшей и выспавшейся, в отличие от Пьера, который крутился всю ночь на своем роскошном ложе, мечтая о женщине, лежащей в соседней комнате. Мужская порядочность не позволяла ему войти к ней и осуществить все свои пылкие желания, но утром он встал больной и разбитый. Ночью же у него появился план: когда родится ребенок, он купит ей дом неподалеку от своего, наймет няню и будет материально содержать их. Эта идея показалась ему блестящей, но говорить Эмме он не будет, пока не появится малыш.

— Завтра у меня встреча с нотариусом, бабушка оставила завещание, — Эмма бросила на него робкий взгляд.

— Майлз отвезет тебя, что за вопрос, скажешь только, когда тебе нужно быть там, — отозвался Пьер.

Эмма кивнула и стала суетливо хвататься за бумажки: она чувствовала себя в присутствии Пьера очень напряженно. Ей так хотелось, чтобы он заключил ее в объятия, хотелось ощутить его губы, но он, видимо, охладил к ней. Ей не следовало так категорично отказываться от его дружбы, ведь часто бывает, что дружба постепенно перерастает в любовь... Да, она поторопилась. Если бы Эмма была более опытна в любовных делах, она сразу бы поняла, что и Пьер держит себя не как посторонний ей человек. Она бы отметила и его дрожащие руки, когда он принял от нее чашку чая, и горящий взгляд, и кое-какие другие признаки, но она по

неопытности, а он из-за боязни оскорбить ее в своем доме изображали равнодушие друг к другу.

— Прошу тебя, говори, что тебе надо. Миссис Майлз приготовит тебе любое блюдо. Ну.., чего тебе хочется?

— Спасибо, я всем довольна.

— Не надо меня благодарить, — рассердился Пьер.

— Пьер, пойми, мне очень неловко, я вообще не пойму, чего ты от меня хочешь. Ты не даешь мне ничего делать, а праздность не самое лучшее лекарство, — расстроено сказала она. — Ты не сердись, но я сейчас не знаю, как взяться за свои дела, которых уйма.., бабушкин дом требует капитального ремонта, даже подумать страшно, сколько понадобится сил и денег. Но дом стоит того.

Пьер, ни слова не говоря, поднял ее с кресла, поцеловал в макушку, а затем крепко прижал к груди. Он вдруг понял, что все теперь сделает для этой женщины, она ни в чем не будет нуждаться. Эмма робко подняла голову, и он, будучи не в силах дольше сдерживаться, нашел ее губы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Красота, женственность и естественность этой девушки сделали свое дело: Пьер пустил ее в свое сердце. Он почему-то решил, что его жизнь снова обретет смысл, с ней он точно будет счастлив. В ней чувствовалась надежность и порядочность и не было ни намека на корыстность и притворство, чего он терпеть не мог ни в мужчинах, ни в женщинах.

Пьер на мгновение оторвался от губ Эммы, но тут же снова приник к ней и принялся целовать лицо, шею, грудь. Его поражала и еще больше возбуждала ее ответная пылкость. Она просунула руку под его свитер.., стала гладить спину.., ее рука спустилась ниже... Пьер зарычал и впился ей в губы так страстно, что она застонала от боли.

— Эмма.., ты играешь с огнем, я не железный, я не хочу, чтобы ты думала обо мне плохо.., ну.., что я пригласил тебя в свой дом ради этого.

— Я и не думаю так.., я хочу принадлежать тебе.., очень.

— Ты уверена? Ты не пожалеешь потом? — Он прижал ее к себе. — Ты не шутишь?

— Нет, Пьер, молчи.., прошу тебя.., я хочу, чтобы ты любил меня, как тогда, в Париже. — Она коснулась пальцем его губ. — Ласкай меня...

Эмма скользнула на белые шелковые простыни и замерла, трепеща от волнения и страсти. Через мгновение Пьер уже держал ее в объятиях.

Они целовали и ласкали друг друга так страстно, как будто боялись, что один из них сейчас ускользнет. Время от времени Пьер чуть отстранялся от нее, любуясь ее разгоревшимся лицом, упругой грудью и стройными бедрами. Их ласки становились все более откровенными и пылкими. Эмма была удивительная ученица и отвечала ему теми ласками, которых он от нее ждал...

— Пьер, — стонала, извиваясь, Эмма, — Пьер.., еще... Я люблю тебя! — вдруг вырвалось у нее.

— Что ты сказала? Моя маленькая волшебница, что ты хочешь?

— Я... Ты знаешь...

И они отдались друг другу, бормоча какие-то нежные бессмысленности.

Потом они отдыхали, зная, что их желание только чуть затаилось, но скоро вспыхнет с новой силой.

— Ты принадлежишь только мне, только мне, я это понял. — Он притянул ее к себе на грудь и прижал.

В эту минуту Эмма готова была сделать для него все что угодно. Но что она могла дать такому мужчине? Только свою любовь и ласку. И она принялась так пылко и нежно его целовать, что Пьер мгновенно отозвался на ее порыв.

Перед сном Эмма думала о том, что завтра она купит тест на беременность и все станет ясно. А сегодня Пьер принадлежит ей, только ей.

Майлз привез Эмму в юридическую контору, где ей предстояло уладить наследственные дела.

Она попросила его подождать ее. мрачное старинное здание чем-то напоминало школу. Ей сказали, к кому следует обратиться.

— Очень приятно видеть вас, мисс Робартс, Моример Харрис к вашим услугам, — клерк подал ей руку и пригласил сесть. Исподтишка оглядев ее, он улыбнулся ей, видимо, Эмма произвела на него благоприятное впечатление. — Сейчас я введу вас в курс дела.

Эмма приготовилась слушать долгие объяснения, но, к ее удовольствию, все закончилось очень быстро, и через двадцать минут она уже покинула контору, радостная, но в большом смятении: она не ожидала такой перемены в своей судьбе.

У нее теперь не только дом, но и деньги, для нее весьма приличная сумма — сто тысяч фунтов стерлингов! Перед смертью ее бабушка написала своему сыну, отцу Эммы, что ее дни сочтены и она просит его позаботиться о собственной дочери. Как выяснилось, бабушка знала, где он живет, но скрывала от Эммы, так как отец не желал общаться с дочерью. Тем не менее деньги на ее имя были положены. Эмма пришла в ярость, узнав все это, но потом взяла себя в руки: пусть эти деньги станут компенсацией за ее сиротское детство.

Уже по дороге домой она решила, что теперь можно не беспокоиться о ребенке, если он уже живет в ней. Она погладила себя по животу и улыбнулась. Сегодня, нет, завтра она скажет Пьеру, что возвращается к себе и подыщет друным, и все, что мне нравится. Очень благодарна тебе за помощь, но теперь я возвращаюсь к себе, решительно заявила она.

— Нет! Я не пушу тебя!

— Что значит — нет? — Эмма удивленно посмотрела на него.

Пьер ответил ей таким властным взглядом, что она уже была готова отказаться от своих слов, но стоило ему заговорить, как в ней снова взыграло самолюбие.

— Я уже говорил тебе: пока твоя квартира не будет отремонтирована, ты никуда от меня не уйдешь.., недели через три, думаю, все будет готово.

— Три недели? — возмутилась она.

— Но там очень много работы, ты же сама знаешь свою квартиру, — попытался оправдать Пьер мастеров.

— Но, Пьер, зачем тебе эта обуза — ремонт моей квартиры? Я благодарна тебе, еще раз повторяю, но теперь мне по силам самой заняться ремонтом. К тому же я хотела вообще отказаться от этой квартиры и найти в другом районе более комфортабельную.

Но Пьер, казалось, не слышал ее, продолжая говорить о том, что уже сделано и что остается сделать.

— Когда ты увидишь, какой стала твоя квартира, ты не захочешь искать другую.

— Хорошо, пусть будет по-твоему.., пока. Но если через три недели ремонт не будет окончен, я уйду жить в дом, где жила бабушка.., хотя мне бы не хотелось переезжать туда, слишком много воспоминаний, — нехотя согласилась Эмма.

— И потом.., разве тебе здесь плохо? К твоим услугам все, что ты пожелаешь, и я всегда готов помочь тебе... — как-то просящее протянул Пьер.

Их взгляды встретились.., и Эмма первая отвела глаза. То, что он говорил, было правдой, но разве он мог дать ей то, что она так страстно хотела? Как он не понимает: чем дольше она останется в его доме, тем труднее ей потом будет уходить отсюда. Она напрасно теряет время, стараясь завоевать его любовь, у нее нет будущего с этим человеком, который был с ней честен с самого начала.

— Да, я ни в чем не нуждаюсь у тебя в доме, но уйти мне придется.

Пьер понимал ее в глубине души, но отказаться от этой девушки уже не мог. Держа ее прошлой ночью в объятиях, он вдруг представил, что она уйдет... Нет, закричала каждая клеточка его тела. Нет! Господи, думал он, сколько женщин я держал вот так в объятиях, и ни одна из них не вызывала во мне такой страсти, такой нежности, такого желания заботиться о ней. Только Наоми в далекой юности приковала его чувства, и то ненадолго. Но со дня ее смерти у него даже мысли не возникало, что он мог кем-то серьезно увлечься. Работа, работа и работа, только ей он отдавался серьезно и благодаря ей достиг того положения, которое сейчас он занимал в высших финансовых кругах Лондона.

Иногда друзья пытались намекать ему, что он засиделся в женихах, но Пьер только посмеивался и приводил многочисленные примеры неудачной женитьбы кое-кого из них.

— Эмма, на днях я встречаюсь с Лоуренсом, он просил помочь ему с переездом.

— Ты.., хочешь помочь Лоуренсу? — с улыбкой спросила Эмма. — Пьер, ты напрасно так заботаешься обо мне, я очень дурная, плохо о тебе думала, а ты, оказывается, очень добрый.

— Ну, не такой уж я и добрый, все-таки он мне сын, и я чувствую ответственность за него. Думаю, если бы я обращал на него больше внимания в детстве, он не вырос бы такой мямлей, самокритично сказал Пьер и добавил:

— Хочу посмотреть то место, которое он арендовал. Возможно, ему кое-что понадобится купить. Надеюсь, когда вернусь, ты будешь сидеть в своем любимом кресле у камина, идет?

— Идет. Только дай мне слово, что, если мое присутствие станет тяготить тебя, ты сразу об этом скажешь. — Она лукаво посмотрела на него.

Пьер обнял ее и поцеловал в щечку, где у нее расположилась хорошенькая маленькая родинка, страшно возбуждавшая его.

— Договорились, но вряд ли ты станешь мне в тягость, дом слишком большой, мы можем не встречаться по целым дням, — расхохотался он. — Единственное, о чем я могу тебя попросить, это принять моих друзей, кое-кто обещал заглянуть на огонек на днях.

— Почему бы и нет? Это совсем не трудно, неожиданно для себя согласилась Эмма, а про себя подумала: зачем им ссориться? Даже она, такая неопытная в любовных делах, не может не видеть, что он не спускает с нее глаз, откровенно любуясь и явно желая заключить ее в объятия.

Эмма посмотрела в зеркало, висевшее в ванной, сделала милую гримасу и облегченно вздохнула: тест показал, что беременности нет. С одной стороны, ей было обидно, но, трезво поразмыслив, решила, что все делается к лучшему. Она умылась, нанесла легкий крем, помассировала лоб и шею. Все отлично, но.., будет ли Пьер поддерживать с ней отношения, узнав, что ребенка не будет? Что ж, тогда она уйдет, можно даже поехать к Лоуренсу, в Корнуолл, он же приглашал ее. Но не успев как следует подумать об этом, она тут же отбросила эту мысль. Никогда!

Она пришла в свою комнату и стала переодеваться к обеду, так как должны были прийти гости, Ева и Даг Вебстеры, старые друзья Пьера. У них был собственный отель и шикарный ресторан в одном из фешенебельных районов Лондона. Пьер часто захаживал к ним, а иногда приглашал к себе.

Эмма зашла на кухню спросить миссис Майлз, все ли готово. Та заверила Эмму, что можно подавать на стол хоть сейчас.

Обед, приготовленный миссис Майлз, был не хуже, чем в самом первоклассном ресторане. Компания смеялась и болтала, никто не скучал.

Пьер сначала волновался, сумеет ли Эмма достойно держаться. Она сидела напротив него, рядом с Дагом, который был явно возбужден соседством с такой очаровательной девушкой. Веселые истории и анекдоты так и сыпались из него, он вообще был мастер на такие вещи, но сегодня превзошел сам себя. Пьер хорошо знал своего приятеля и понял, что тот в восторге от Эммы. Это наполнило его чувством гордости, но одновременно где-то в глубине души поднималась темная волна ревности. Он следил за выражением ее лица, показавшегося ему вдруг незнакомым. Пламя свечей золотило ее каштановые волосы и отражалось в глазах, она улыбалась тому, что говорил Даг, и, к изумлению Пьера, иногда очень тонко парировала его шутки. Да, прелестная девушка, ничего не скажешь. С ней не стыдно показаться в обществе, подумал вдруг Пьер. Но она собирается уходить. Уходить? Нет! Он не допустит этого, зачем ей уходить?

— Пьер? Да ты не слушаешь меня. — Даг сделал порядочный глоток красного вина и, прищурившись, посмотрел на приятеля.

— С чего ты взял? — Пьер попытался улыбнуться, но улыбка получилась кривой.

— Ты так пристально следишь за Эммой, как будто она сейчас испарится, — Даг явно понимал, что творится на душе у приятеля. — Впрочем, я тебя понимаю, эту принцессу надо хорошенько

охранять.

Пьер не знал, как выпутаться из этого положения, но ему на помощь пришла Ева. Ее зеленые глаза, веселые и ироничные, встретились с карими глазами Эммы.

— Даг, успокойся. Я знаю, у тебя хороший вкус, и полностью согласна, что Эмма чудесная девушка. — Она ласково посмотрела на соседку.

Но Даг продолжал упорствовать.

— Пьер, ты ничего не рассказал нам об этой девушке. Кто она?

Эмма посмотрела на Пьера. Их глаза встретились, и она увидела в них смятение, нерешительность..., и еще что-то. Она напряженно ждала. Он немного замялся и сказал:

— Эмма мой друг..., очень хороший друг... У нее похолодело внутри от его слов. Разумеется, она не ожидала от него публичного признания их отношений, но этот приговор ранил ее до глубины души. Она заставила себя улыбнуться и, мельком глянув на Пьера, закончила:

— Мы друзья..., разве этого мало?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Эмма почувствовала, что ей, хотя бы минуту, необходимо побыть одной. Она извинилась, что ей надо распорядиться о десерте, и быстро вышла из гостиной. Запершись в ванной, она включила воду и разрыдалась: надо было дать выход горечи и обиде. Выплакавшись, она умылась и пошла к себе в комнату. Там она села за туалетный столик и внимательно посмотрела на себя в зеркало. Собственный вид ей не понравился: бледная и какая-то взъерошенная. Нужно что-то решать, но что? Пьер прав в одном: ей необходимо отдохнуть. Что ж, у нее теперь есть деньги, завтра же она поедет и купит билет в какую-нибудь солнечную тропическую страну. Солнце, море и покой..., это именно то, что ей сейчас надо больше всего. Ну, а потом будет видно. При мысли, что она теперь может делать все, что ей захочется, она даже засмеялась. И пусть Пьер считает ее только другом. Конечно, она не звезда экрана, не светская дама, а самая обыкновенная женщина, его можно понять. И почему она вдруг решила, что он искренне к ней привязался? Привез ее в свой дом? Но он сам объяснил свой поступок: мать его будущего ребенка должна жить в комфортабельных условиях. Мать... Эмма подумала, что все к лучшему, хорошо, что она не беременна. Зачем ей ребенок, у которого нет отца?

Однако надо возвращаться в гостиную. Она снова посмотрела в зеркало, подкрасила ресницы, обвела губы, причесалась. Улыбнулась себе и впервые порадовалась своей красоте.

Хорошее настроение почти вернулось к ней. Она вышла из комнаты и не сделала и пяти шагов, как до нее донеслось:

— Так она официантка?! Ну, Пьер, ты оригинал! — Ева еще что-то добавила, но у Эммы зазвенело в ушах, и она оперлась о стену, чтобы не упасть. Возможно, это действительно оригинально и забавно — привести официантку в такой респектабельный дом и назвать ее своим другом, но говорить об этом вслух, зная, что она может войти в любую минуту? Где же их воспитание и манеры? Интересно, что он ответит?

Она повернулась, чтобы уйти обратно к себе, и столкнулась с миссис Майлз, которая несла в гостиную поднос с шампанским. Она удивленно посмотрела на девушку и спросила:

— Что с вами, мисс Робартс? Вы плохо себя чувствуете?

— Нет, нет, все в порядке.., обычные женские дела, в гостиной очень душно, — нашлась Эмма. —Позвольте, я сама отнесу это гостям.

— Нет, что вы!

— Пожалуйста, миссис Майлз, — улыбнулась Эмма. — Прошу вас Миссис Майлз неохотно передала Эмме поднос, не подозревая, что передает его в руки профессионалки.

— Спасибо, все будет в порядке, не беспокойтесь.

Эмма, не торопясь, вошла в гостиную, осторожно держа поднос с шампанским. Ева и Даг сидели у камина, а Пьер стоял у викторианского окна и выглядел явно взволнованным. Видимо, ее присутствие тяготило его, ему было неловко перед друзьями за свой необдуманный шаг. Она поняла, что разговор о ней только что закончился, руки у нее задрожали, отчего бокалы на подносе чуть зазвенели.

— Эмма? — воскликнул Пьер, увидев ее с подносом. — Ты где пропадала, я уже хотел идти на розыски.

— Как видишь, я занималась делом, — мягко улыбнулась она, однако постаралась вложить в свои слова как можно больше многозначительности.

— Но почему ты сама несешь поднос? Я же просил миссис Майлз сделать это.

— Почему же не меня? Я здесь для того и живу. — Демонстративно отвернувшись от него, она вызывающе взглянула на пару, сидящую у камина. Осторожно поставив поднос на маленький столик, она гордо произнесла:

— Я же официантка, не вижу в этом ничего постыдного и не стесняюсь своей профессии. Хорошая официантка это такая же редкость, как и благородный мужчина, чем бы он ни занимался. Но правда, забавная ситуация? Официантка в вашей компании? Интересно, Пьер, а что ты думал, когда я лежала в твоей постели? Тоже было забавно?

— Что за чепуху ты несешь! — воскликнул он. Ей показалось, что Пьер сейчас набросится на нее с кулаками, такое у него было лицо. Пара у камина замерла, удивленная и заинтригованная.

— Почему же чепуха? Я слышала, как вы смеялись и иронизировали! — Она решила не скрывать, что все слышала.

— Эмма, дорогая, я совсем не хотела вас обидеть! — Ева встала и, прижав руки к груди, умоляюще посмотрела на девушку.

Но Пьер не дал ей закончить фразу.

— Извини, но мне надо поговорить с ней, мы выйдем на пару минут. — Он быстро подошел к Эмме, взял ее за локоть и, не обращая внимания на ее сопротивление, повел к двери.

— Что все это значит, черт возьми? — зарычал он, когда они оказались за дверью. — Ты думаешь, мои друзья плохо к тебе относятся.., то есть к твоему присутствию в моем доме?

— Отпусти меня! — Эмма с яростью вырвалась из его рук. — Мне все равно, как ко мне

относятся твои друзья!

— Но ты выглядела смешно!

— Я?!

Пьер тяжело вздохнул и схватился за голову, не зная, что еще сказать и что вообще делать. Мысленно посчитав до десяти, он попытался начать разговор снова:

— Ты напрасно все так драматизируешь и портишь себе нервы.

Но Эмма не могла успокоиться, эмоции захлестывали ее, подобно бурному водопаду.

— О, разумеется, ты прав. Я смешная истеричка, но как же тогда назвать мужчину, который не чувствует, что его любовница, пусть даже временная, — она намеренно сказала это слово, — оскорблена? Ты и твои друзья, вы носите маски, которые скрывают ваше истинное лицо! Где же ваш хваленый аристократизм и воспитание, где? Вы думаете, что миллионы автоматически превращают вас в аристократов? — Эмма перевела дыхание, с удовлетворением отметив, как напряглось его самодовольное красивое лицо. — Мне теперь все равно, как ты представил меня своим друзьям, я уезжаю. Все!

— Эмма, послушай, не горячись. Ты думаешь, я ничего не понимаю? — воскликнул он, схватив ее за руку. — Твоя сумбурная речь говорит только о том, что ты не знаешь меня!

— Ха! А что ты сделал, чтобы я узнала тебя? — Ее брови сошлись в одну прямую линию. — Да, ты допустил меня до своего тела и впустил меня в свой дом, потому что затеял в моем доме ремонт, который мне теперь, собственно говоря, и не нужен! Теперь я могу купить себе самую лучшую квартиру. Но твоя душа для меня закрыта. Неудивительно, что и Лоуренс не смог пробиться к тебе, он боялся, а потому искал окольные пути. Ты себялюбец, холодный и равнодушный ко всему, что не касается сугубо личной выгоды и твоих удовольствий. Тебе не нужен никто, кроме твоих высокопоставленных друзей. — Эмма закончила свою гневную тираду почти шепотом.

— Ты уверена в том, что говоришь?

— Да! И еще: ты считаешь, что можешь за деньги купить все. Видимо, и мой отец, откупившийся от меня деньгами, точно такой же. Я действительно выгляжу смешно, так как позволила себе настолько забыть, что осмелилась считать себя равной только потому, что ты изволил заметить меня! — она замолчала, а потом с горечью добавила:

— Извините, сэр, я забыла, откуда я пришла.

Пьер, не помня себя от гнева, схватил ее за плечи, потрянул, а потом прижал к груди. Она не успела даже охнуть — он яростно впился ей в губы и не отпускал до тех пор, пока она, почти задохнувшись, буквально не отодрала его от себя. Но только на секунду. Он опять сжал ее в своих крепких объятиях. Так прошла минута, другая, и постепенно ее тело стало обмякать, и вот уже она прильнула к нему, не отдавая себе отчета в собственных действиях. Когда он наконец оторвался от ее губ, каждый из них подумал, что, возможно, судьба не напрасно свела их.

— Эмма, — начал Пьер. — Я совершил в жизни немало ошибок, но мне кажется, что я лучше многих из тех, кого ты пять минут назад порицала. И поверь: я никогда не пытался купить чье-либо расположение. И к твоему сведению, мой отец был простым рабочим, а мать — поварихой

в школе. Семья была не очень состоятельная, у меня не было очень многого, о чем мечтают в детстве мальчишки... Мои друзья Ева и Даг сейчас действительно богатые и известные люди, но начинали они с малого: Ева тоже была официанткой, а Даг — мелким торговцем, но они трудились не покладая рук, понимаешь? За что же ты их так унизила?

Эмма молчала, лишь изредка поглядывая на него и облизывая пересохшие горевшие губы — Я не знала этого. Но пойми, что я должна была думать?

— Ты думала! — передразнил ее Пьер. — Представляю, какую ерунду ты вбила себе в голову: недостаточно хороша, образованна и воспитанна, чтобы находиться в компании с моими друзьями, у вас разные ступеньки на социальной лестнице, так?

— Не совсем так...

— Так, так. Ты же не дослушала до конца нашу беседу и не знаешь, что я ответил. У тебя, дорогая, тоже есть недостатки, и один из них — твое себялюбие, да, да. Ты обвиняешь меня в себялюбии, но не замечаешь того же за собой. Так-то, моя кошечка.

— Ноя...

— Не пытайся оправдываться. Ты подозреваешь всех, что тебя не уважают.., над тобой смеются.., ну и так далее. И напрасно — ты вполне самодостаточна, не говоря уже о том, что как женщина ты обольстительна.

Эмма не знала, что сказать. Как он ловко все повернул, она же еще и виновата. Но может, Пьер прав? Она слишком долго несла на своих плечах тяжелый груз: сиротское детство, бедность, отсутствие всякой поддержки. Конечно, она боится, что жизнь может ей подкинуть еще какой-нибудь неприятный сюрприз.

— Даю тебе пять минут, чтобы успокоиться, довольно сухо сказал Пьер. — А затем приведи себя в порядок и возвращайся к гостям.

Эмма кивнула и пошла к себе.

Но она больше не вернулась в гостиную: слишком тяжело у нее было на душе, чтобы смеяться шуткам Дага и болтать о пустяках с Евой. Она разделась и забралась в кровать. Разумеется, заснуть не смогла, размышляя над тем, что сказал Пьер, копаясь в своих чувствах и думая о будущем. Но ничего толкового она не придумала и заснула, в слезах и несбыточных мечтах: она почему-то решила, что Пьер придет к ней вечером, когда уйдут гости.

Проснувшись довольно рано, Эмма спустилась в кухню, решив выпить кофе. Сидя за красивым белым столом, она терзала себя, спрашивая, почему же он все-таки не пришел? Интересно, он тоже плохо спал? И что делает сейчас? Кофе был очень горячий, а она слишком нетерпелива, поэтому, сделав большой глоток, Эмма тут же обожглась и не услышала, как отворилась дверь и предмет ее мечтаний предстал перед ней, как всегда великолепный и самоуверенный, хотя и с самым невинным видом. Увы, Эмма теперь хорошо знала, что кроется за этим невинным видом. Ее тело тут же напомнило ей о его мужских подвигах.

Бежать! Это была ее первая мысль. Бежать от этих зовущих голубых глаз, от этой мускулистой груди, на которой она столько раз лежала, томная и удовлетворенная, от этих властных губ. Но ноги отказывались ей повиноваться. Вымученно улыбнувшись, она выдавила:

— Еще очень рано, я думала, ты спишь... — Она прижала руки к груди, как бы извиняясь за

свой пеньюар. — Ты всегда так рано встаешь?

— Почти. Но сегодня я еду с Лоуренсом в Корнуолл, я же говорил тебе, — удивленно произнес он, не отрывая от нее глаз. Эмма, несмотря на свой неприбранный вид, а может быть, именно поэтому, выглядела сейчас особенно привлекательной. Пеньюар едва прикрывал ее точеные формы. Пьер не мог оторвать глаз от нее, мечтая зарыться в ее роскошные каштановые волосы, рассыпанные по плечам. Его тело отказывалось двигаться куда-либо, кроме одного конкретного направления. Он очень хотел прийти к ней прошедшей ночью, но решил, что разумнее будет дать ей успокоиться и переварить ситуацию. Сейчас он жалел об этом, вспомнив, как крутился всю ночь на смятых простынях. Нет, он не поедет никуда, сейчас затащит ее в постель и не отпустит до тех пор, пока она не запросит пощады.

— О, как я могла забыть! Как счастлив будет твой сын, представляю. Теперь он сможет отдаться творчеству.

— Ну, я не разделяю твоего оптимизма. Он уже много раз начинал какое-то дело, в полной уверенности, что это то самое, без чего он не может жить. Ты заблуждаешься, дорогая, он не так целеустремлен, как тебе кажется, — проговорил Пьер, не сводя с нее горящего взгляда.

— Все равно я рада, что вы помирились, — покраснев, ответила она, не зная куда деваться от смущения. — Всегда хорошо иметь рядом отца. Я, может, говорю не то, что тебе нравится, но таково мое мнение.

Пьер почувствовал, что переборщил. С его стороны бестактно говорить с Эммой о подобных вещах, когда у нее такой отец.

— Прости меня, но мне кажется, твой отец однажды вспомнит, что у него есть дочь, и найдет тебя. Не теряй надежды.

— Сомневаюсь. Вот ты, например, уже не раз говорил мне, что отцовские обязанности тебе в тягость, видимо, мой отец из той же породы, — она подняла на него глаза.

Какие красивые у нее глаза, подумал Пьер. Томные, с поволокой, умные. Как это редко сочетается! Но Эмма не подозревала о чувствах, обуревавших Пьера, и продолжала:

— Пьер, я решила уйти из твоего дома. Но не потому, что обижена. Мне надо отдохнуть, побыть одной. Давай расстанемся как цивилизованные люди. У тебя работа и теперь сын.., а мне нужно подумать о своем будущем. Мне кажется, у меня есть призвание к живописи, я могу стать художником-декоратором или дизайнером одежды.

— Эмма, я рад, что ты так решила, но.., если ты беременна? Разве я не имею права на своего ребенка? — Его властный тон как кнутом ударил Эмму. Да он собственник! И она ответила таким же тоном:

— Ребенка не будет. Тест показал, что я не беременна.., я не успела сказать тебе вчера, да и какое это имеет значение?

Пьер глядел на нее во все глаза, не отдавая себе отчета в том, как ему стало горько. Бог мой, он совсем не думал, что будет так разочарован! Неужели он хотел этого ребенка? Ведь еще месяц-два назад он считал, что с него хватит и Лоуренса. Конечно, он допускал, что был не самым лучшим отцом в Англии, да и мужем тоже, но совершенно не страдал от этого. Почему же сейчас он расстроился? Неужели возраст дает о себе знать?

— Пьер, ты ничего не хочешь сказать? Почему ты молчишь? — донесся до него нежный голос Эммы.

— Я? — И замолчал: в его мозгу шла напряженная работа, он перебирал варианты... Муж? Но нельзя же так сразу, в омут, нужно подождать. — Ты сама-то довольна? Тебе легче? — промямлил он.

Легче? Это было совсем не то, что Эмма ожидала услышать.

— Конечно! — Она отвернулась от него. — Вот полечу в тропики, отдохну, а когда вернусь, подумаю, куда поступить учиться.

— Учиться? — Пьер был потрясен ее растущей час от часа независимостью, хотя еще совсем недавно рассуждал, что ей надо думать о будущем, ребенок от нее не уйдет, и официантка — это не единственная профессия в мире. Такого завершения их отношений он не предвидел.

— Да, дорогой. Ведь у меня нет плеча, на которое можно опереться, значит, я должна получить образование. Возможно, я даже сделаю карьеру, как твои друзья Вебстеры. — Она с удовольствием заметила, как Пьер помрачнел. Так ему и надо, зазнайке!

— Значит, ты думаешь о карьере? — каким-то надтреснутым голосом отозвался Пьер.

И это все?

Эмма не могла понять, что его так взволновало, он же сам недавно долбил ей: учиться, надо учиться, а теперь недоволен.

— Разве этого мало? Ребенок связал бы меня по рукам и ногам. Ты же сам говорил мне, что надо думать о будущем. Что же теперь изменилось?

— Так.., значит, материнство мешает женщине проявить себя? — ядовито произнес он, игнорируя ее напоминание о своих словах.

Пьер принялся ходить по кухне. Итак, наступил момент, когда он должен все решить. Он понял, чего хочет, понял, что полюбил Эмму, полюбил в тот момент, когда она переступила порог его кабинета. Он был очарован ее смелостью сразу же, едва она обратилась к нему с просьбой помочь его сыну, лодырю и слюнтяю. Так он считал, так считает и сейчас. Разумеется, красота тоже сыграла не последнюю роль в его чувстве, но скольких красавиц ему довелось увидеть! И ни из одна из них не была такой искренней и естественной, как Эмма. Притворство и корыстолюбие — это все, что он видел в них.

Пьер посмотрел на нее: о чем она сейчас думает? Понимает ли она, какой важный момент наступил в их жизни? Понимает ли она, верит ли она, что он полюбил ее? Что не только физическое желание привязывает его к ней? Его больно поразило ее равнодушие к тому, что ребенка не будет. Но она нужна ему как воздух, разве она не видит этого? Конечно, теперь у нее есть деньги, она получит образование. Пьер едва не задохнулся от мысли, что эта красавица и умница уходит от него!

Пауза затягивалась, оба выжидали.

— Нет, материнство ничему не мешает, — наконец произнесла Эмма. — Но возможно, придет день, когда я встречу настоящего отца для своего ребенка. Человека, который полюбит меня — Настоящего? О чем ты говоришь, Эмма? Ты играешь со мной? Ты не уйдешь от меня! Кто же

тогда я, по твоему мнению? Я хочу иметь от тебя ребенка.., и буду иметь его, черт возьми! — он почти кричал.

Эмма оторопела от неожиданности. Она открыла рот, чтобы сказать ему, как..., но не успела: он схватил ее в объятия и их губы слились.

— Ты действительно хочешь ребенка? — Она с трудом оторвалась от его губ и подняла на него затуманенные страстью глаза.

— Хочу! Хочу ребенка и тебя! Я.., люблю тебя, Эмма, ты веришь мне?

Эмма не совсем соображала, о чем он говорит, подставляя лицо под град его поцелуев.

Когда он на мгновение отпустил ее, Эмма посмотрела ему в глаза и все прочитала в них.

— Верю, Пьер, и я тоже люблю тебя, я хочу, чтобы у нас было много детей.., если, конечно, ты не против.

— Против? Сколько ты захочешь! — Он лукаво смотрел на нее. — Не обижайся, что я вспоминаю прошлое, но.., для нас с Наоми брак и ребенок стали серьезным испытанием, которое мы оба не выдержали. Каждый из нас считал себя жертвой. Никто не хотел брать ответственность за сына. Собственно, Наоми избаловала его, а я окунулся с головой в работу и гулянки.

Эмма не верила, что все это происходит с ней.

— Пьер, вы были слишком молоды. Хочу тебе признаться, что я страшно расстроилась, когда узнала, что ребенка не будет, ведь это же твой ребенок. Я проревела всю ночь тогда.., когда ты не пришел, и я.., тоже очень люблю тебя.

— Надеюсь, мисс Робартс, вы не против доказать мне свою любовь, если у вас найдется свободное время? Вам придется постараться после всего того, что вы мне наговорили. По моему, я слышал такие обвинения, как «холодный себялюбец», «равнодушный ко всем», и еще что.., а? Мой ангел, мне казалось, что после Наоми я больше никогда не женюсь, я боялся не только за свою свободу, но и за ту женщину, которая связалась бы со мной. Мне казалось, что я не смогу долго любить одну женщину, не смогу быть ей верен.

— Пьер, ты был молод, а сейчас ты...

— Что? Что ты сказала? Был? Значит, я старый? — Он заключил ее в объятия.

— Пьер, — отбивалась она. — Я не сказала, что ты старый, ты мудрый и опытный, а это дорогого стоит. Вы оба слишком рано окунулись во взрослую жизнь.., вот и все.

И Пьер впервые за долгие годы подумал о том, что Наоми была девочкой и за свою короткую жизнь так и не узнала счастья. И он тоже в этом виноват. Он мужчина и должен был быть снисходительным и терпимым, а он убегал из дома, пропадая на сутки и больше... Что ж, может, другую женщину, вот эту, он сделает счастливой. Она заслуживает счастье. Жена, его жена. Он представил ее с малышом на руках, и сердце его наполнилось восторгом.

— Но, Пьер! — Она коснулась его груди. — Я старомодна.., и хочу, чтобы мои дети имели законного отца. Ты понимаешь, о чем я говорю? Но ты можешь не беспокоиться, я...

— Значит, ты делаешь мне предложение? Бесстыдница! Я бы добавил еще одно словцо, памятуя, как ты ведешь себя в постели, но.., прощаю тебя! — Он поцеловал ее сперва в макушку, а затем без всякой подготовки впился в ее губы. — Да, я готов жениться на тебе, — задыхаясь, пробормотал он. — Хоть сейчас... Зачем ждать?

— Но, Пьер, тебя ждет Лоуренс, приедешь и поженимся, — попыталась возразить Эмма.

— Лоуренс? — У него вдруг сжалось сердце от одной мысли, что Эмма могла быть с его сыном. Все-таки интересно, как она относится к Лоуренсу? — При чем здесь Лоуренс? Ты что, думаешь о нем?

— Пьер, ну как ты можешь такое говорить? Но вы же договорились.., и потом, как он воспримет новость о нас? Он может осудить тебя и меня, я не хочу быть причиной вашей вражды, вы же только-только помирились... Он будет переживать.

— Эмма, неужели ты до сих пор не поняла: мой сын возьмет за горло любого, если надо? — с облегчением ответил Пьер. — Думаю, такая мачеха, как ты, его вполне устроит, он умеет прикинуться несчастеньким.

— Пьер, дай мне слово, что будешь заботиться о нем. Он совсем не такой бездарный и ленивый, как ты думаешь. К нему надо найти ключ, и он раскроется. Вспомнишь меня потом.., когда-нибудь. Пьер, ты слышишь меня?

Но он не слушал ее. Его руки сомкнулись у нее за спиной, а губы блуждали по лицу и шее, нежно, не торопясь. У нее учащенно забилося сердце, и она прижалась к его жаждущему телу...

— Пойдем в кровать, мой ангел.., я хочу любить тебя! — Пьер подхватил Эмму на руки, и через пять минут мир для них уже не существовал.